

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА №3 2019 г.**

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Главный редактор:

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Заместитель главного редактора:

Лунарев Е.Б., доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, КубГУ.

Ответственный секретарь:

Латынцева В.А. КубГУ

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Г.Э., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Боннер А.Т., доктор юридических наук, профессор МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Гладышева О.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Горазд М., доктор права, профессор, Мариборский университет (Республика Словения)

Гусев А.В., доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Дзидзов Р.М., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Жинкин С.А., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГАУ им. И.Т. Трубилина

Киреева Е.В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ

Коняхин В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Костенко Р.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Лозовский Д. Н., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Нгуэн Х К., доктор права, доцент, Юридический университет г. Хо Ши Мин (Социалистическая Республика Вьетнам)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ

Позднышов А.Н., доктор юридических наук, профессор, РГЭУ (РИНХ)

Прапиевич И., доктор права, профессор, Вильнюсский университет (Литовская Республика)

Прохоров Л.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Прохорова М.Л., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Пищ А., доктор права, профессор, Белостокский университет (Республика Польша)

Попова Ю.А., доктор юридических наук, профессор, РГУП

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Семенцов В.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Слесарев В.Л., доктор юридических наук, профессор, МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Срето Н., доктор права, профессор (Республика Сербия)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет

Щенникова Л.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Шмейкал В., доктор права, профессор, Университет «Шкода авто» (Чешская Республика)

Издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс: арбитражный процесс

Адрес редакции:

350000 г. Краснодар, ул. Раппельевская, 43, Тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 30.09.2019

Усл.печ.л. 4,7

Тираж 100 экз. Заказ № 3479

Входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2019

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЙ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

SOME PROBLEMS OF TECHNOLOGIES OF LEGAL INFLUENCE ON LEGAL CULTURE OF PERSONALITY IN MODERN SOCIETY

Жинкин С.А.

доктор юридических наук

заведующий кафедрой теории и истории

государства и права Кубанского

государственного университета

Zhinkin S. A.

doctor of law

head of the Department of theory and history

of state and law of the Kuban

state University

Ключевые слова: law, culture, technology.

Аннотация: Статья посвящена вопросам правового воздействия на массовую и индивидуальную культуру в современных условиях. Автор обращает внимание на необходимость учета ряда факторов, таких как модернизация и глобализация, возрастание технологических компонентов в самом праве, что должно учитываться в выборе путей формирования правовой культуры.

Keywords: law, culture, technology.

The summary: The article is devoted to the issues of legal impact on mass and individual culture in modern conditions. The author draws attention to the need to take into account a number of factors, such as modernization and globalization, the increase of technological components in the law, which should be taken into account in the choice of ways of formation of legal culture.

Право приобретает подлинное человеческое значение и социальный смысл благодаря органической связи с культурой общества и личности. Материальная и духовная культура по сути определяет границы жизненного мира права, правового пространства. Призывы к развитию права как феномена духовной культуры, как средства определенной, конкретно-исторической цивилизации и национальной и личностной культуры в последнее время становятся важной тенденцией развития юридической науки и практики.

Когда о праве говорят как об одном из существенных аспектов культуры общества, то это правильно в том плане, что абсолютно все стороны жизни общества, а они в большей или меньшей степени регулируются правом, так или иначе являются частями его культуры. Поскольку «реализация права, юридическая практика выявляет и концентрирует острые жизненные конфликты и проблемы, она сама по себе имеет культурную ценность»¹. Полагая допустимым говорить и об определенной культуре правового воздействия, включающей

совокупность средств и технологий, правовых инструментов, а также идеологические, политические и иные аспекты.

В ряде работ 20 век был назван «веком социально-антропологической напряженности»². Захватывает такая напряженность и современную Россию, однако она приобрела весьма интересное измерение. Страна, лишившаяся национальной и культурной идентичности, испытывает серьезный социальный кризис от внедрения новых весьма неоднозначных идей, подразумевающих обогащение любыми средствами, относительность культурных ценностей, размытость и внутреннюю противоречивость социального регулирования.

В литературе в этом плане отмечается важность исследования проблем соотношения культуры и права в переходных обществах, а также в обществах, где сосуществуют разнотипные правовые и политические культуры и их элементы³. Таким, несомненно, является общество нынешней России. Это исследование необходимо сопровождать разработкой, рекомендацией и применением определенных научно обоснованных технологий.

Нынешняя «российская правовая культура характеризуется внутренней противоречивостью, эклектизмом, одновременным сосуществованием в ней разнонаправленных тенденций»⁴. Думается, это связано со спецификой взаимодействия характеристик национального менталитета и влияния на общественное правосознание и правовую культуру процессов нового этапа модернизации, глобализации и элементов «массовой культуры».

Повышение правовой культуры общества, социальных групп, личности выступает существенным условием совершенствования государственно-правовых институтов, важным фактором политико-правовой и социальной модернизации, и в то же время важным комплексом технико-юридических приемов.

Если правило поведения личности, имеющее культурный аспект, приобретает существенное значение и для общества или во всяком случае связано с осуществлением необходимых общих дел, оно становится общеобязательным, т.е. правовым предписанием. «Это имеет особо важное значение в периоды кардинальных социальных переломов, сопровождающихся самыми различными, в том числе междивизиационными противоречиями. Инновации, которые не санкционированы в культуре, не воспринимаются в ней как «свои», как нечто привычное, комфортное, могут вызвать

в обществе мощное массовое дискомфортное состояние»⁵.

Как справедливо отмечает А.П. Манченко, реализация проекта либеральной модернизации в России предполагает формирование новой правовой культуры на всех уровнях социальной системы личности, общества и государства⁶. Такое формирование, естественно, должно опираться на разработанные юридической наукой технологии и инструменты.

Как известно, культура по своей сути нормативна. Нормативность культуры как раз и обуславливает координацию и организацию действий индивидов, входящих в социальное целое. Нормативность как организационное и технико-юридическое средство «проявляется в форме институционализации общественных отношений и поведения людей. Ее сутью является появление объективных, не зависящих от индивидов правил поведения и обеспечение их выполнения определенным механизмом»⁷.

В качестве гражданина, субъекта права, социально ответственной личности человек реализуется, помимо прочего, и в производстве и воспроизводстве духовной культуры, неотъемлемой частью которой предстает право. «Социально развитые формы бытия человека являются нормативным опредмечиванием его общественной культурной жизни, он становится ее действительностью, общественно активной правовой личностью»⁸.

Как существенный элемент культуры право не только аккумулирует в себе ее ценности, но и претворяет в жизнь основополагающие потребности и достижения цивилизации, обеспечивая тем самым сохранение, а в известной мере и преумножение потенциала материальных, социальных и духовных богатств в обществе. «Закрепляя среди других ценностей культуры социально оправданную, нормативно упорядоченную свободу, право приобретает тем самым значительную, притом собственную социальную ценность в обществе»⁹. Аналогично можно говорить о том, что право вбирает и новые экономические и культурные ценности, является неким синтезом взаимодействия модернизационных и традиционных ценностей.

Очевидно, что правовая культура в современных условиях немыслима без человека и его деятельности, без прогрессивной направленности личностного творчества. Она выступает как такое общественное явление, которое охватывает всю совокупность важнейших ценностных компонентов правовой действительности в ее фактическом функционировании и

развитии. Правовая культура личности, будучи неотъемлемым компонентом правовой культуры общества, отражает степень и характер развития этого общества, по сути обосновывает правомерную деятельность индивида, его интеграцию в постоянно меняющееся общество.

Можно согласиться с тем, что «чем выше уровень правовой культуры, тем эффективнее деятельность законодателя, целенаправленнее управленческая деятельность, более результативен процесс реализации правовых предписаний, соблюдения и исполнения требований, содержащихся в правовых нормах, обеспечения правового положения личности в государстве»¹⁰. Высокий уровень правовой культуры является и залогом внедрения в сознание инновационных правовых элементов, залогом восприятия правовых технологий и правовых навыков.

При этом ответственность за формирование активистской, инновационной правовой культуры общества и личности лежит на государстве и институтах гражданского общества, которые должны разрабатывать соответствующие политико-правовые технологии.

Каковы могут быть примеры таких технологий? Например, важнейшую роль в этом плане играет формирование правовой культуры государственных и муниципальных служащих, формирование эффективного менеджмента и борьба с коррупцией.

В настоящее время российская правовая культура являет некий конгломерат русских правовых традиций, остатков социалистической правовой культуры и западных социально-правовых ценностей. С другой стороны, в общественное сознание «вбрасывается» миф о неправильном направлении культурно-исторического развития России, которая свернула с некоего «магистрального» пути развития человечества.

Думается, что критерием истины в этом случае является практика. Необходима система технологий мониторинга общественных и собственно правовых проблем и их отражения в массовом правосознании, постоянный анализ трансформаций в правовой культуре общества.

Существенным фактором, влияющим на состояние правовой культуры общества и эффективность социальных регуляторов в условиях модернизации, можно считать так называемое отчуждение. Э. Фромм по этому поводу писал: «Нигде так полно не проявился этот дух отчуждения, как в отношении человека к самому себе. Человеком продается не только товар, не только продукты своего труда, но и он сам, при этом человек ощущает себя това-

ром. Рабочий продает свою физическую силу; предприниматель, врач, работник умственного труда продают свою «личность». Эта «личность» должна обладать всеми качествами товара... Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительской стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, «чувство собственного достоинства» превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие»¹¹.

Преодоление культурного и правового отчуждения человека от общества и государства должно стать одной из приоритетных задач правовой политики государства на ближайшие годы. Поэтому и необходимо работать над восстановлением и формированием доверия общества и власти, личности и правовых учреждений, налаживанием диалога человека и государства посредством соответствующих технологий.

Главным действующим лицом модернизированного общества становится личность, а не корпорация. Это личность, использующая свои способности и возможности, свой творческий потенциал. Уважительное отношение к личности и механизмам ее самореализации должно найти в связи с этим большее выражение в отечественном законодательстве; творческая и инновационная деятельность личности должны быть юридически гарантированы.

В литературе обращается внимание на складывание нового негативного типа личности в современном обществе, который «формируется индивидуалистическо-гедонистической «моралью успеха», сам по себе совершенно не способен обеспечить надежную работу любых общественных институтов»¹². В этом плане важной задачей идеологической и воспитательной работы государства является ограничение гедонистического характера общественного сознания путем применения ряда идеологических и социокультурных механизмов и технологий.

Ценности нового модернизируемого общества должны не хаотично возникать и исчезать, а постепенно и избирательно выращиваться, культивироваться, постоянно охватывать все новые стороны жизни общества, все наиболее значимые и широкомасштабные сферы жизни человека. Такое «культивирование» должно осуществляться при помощи права и средств правовой политики, например, правовой пропаганды, правового обучения и воспи-

тания, которые можно рассматривать и как своеобразные правовые технологии.

Успешная модернизация немыслима без технологий поддержки повышения квалификации, культуры труда, эффективного менеджмента. Поэтому важным культурным направлением социально-правовой модернизации представляется борьба с низкой культурой труда, трудовой и правовой безответственностью работников. Думается, что важную роль в этом процессе должны сыграть эффективные контракты, особенно для управленческого состава, создание системы постоянного повышения квалификации государственных служащих, в том числе в сфере модернизации и информатизации.

Как отмечается в литературе, сегодня работают механизмы поддержания высоких притязаний людей с низким культурным уровнем, плохо развитыми трудовыми навыками, производящих продукцию низкого качества¹³. В этом плане представляется очень важным развивать саму культуру труда, стремление работников к постоянному повышению своего профессионального уровня.

Поддержка свободной социальной активности должна при этом сочетаться с пропагандой в массовом сознании идей гражданского долга и социальной ответственности. В обществе нужны технологии, развивающие массовое стремление к саморазвитию, социально-правовому и культурному самосовершенствованию, постоянному повышению своего профессионального уровня. Необходимы четкая стратегия и соответствующие механизмы повышения правовой культуры в масштабах страны и каждого отдельно взятого региона.

При этом необходимо установить в качестве ценностного ориентира служебную роль права по отношению к культуре, потребностям общественного и культурного развития с разработкой технологий осуществления этой служебной роли.

В современном обществе посредством в том числе и правовых инструментов и технологий требуется не только деятельностная массовая социализация людей, но и их «инкультурация, т.е. введение человека в систему принятых в обществе культурных норм социального общежития и взаимодействия, иерархию ценностей, степеней допустимости тех или иных суждений и поступков, а также стимулирование в человеке мотивации к соблюдению этих норм, демонстрация и доказательство того, что, соблюдая нормы, человек имеет больше шансов достичь желаемого, нежели их нарушая»¹⁴.

Очевидно, никакое включение человека в систему общественных ценностей само по себе не приводит к положительным сдвигам в его сознании, пока он остается просто пассивным объектом правового воздействия. Еще в советской науке отмечалось, что «внешнее воздействие дает тот или иной психологический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств»¹⁵. Все это лишнее раз доказывает взаимосвязь эффективности правового воспитания, включая его соответствующие стороны и технологии, и успешности реформационных и модернизационных процессов, в том числе в правовой сфере.

Происходящая в современной России трансформация правовой системы и правовой культуры – весьма противоречивый процесс. В этом плане представляется, что правовая культура в современной России должна трансформироваться от культуры расслабленности и деморализации к мобилизационной культуре, предполагающей напряжение интеллектуальных, физических, моральных сил в служении общественным целям и идеалам. Необходимо при этом развивать и поддерживать открытость правовой культуры, возможности ее продуктивного взаимодействия с другими правовыми культурами.

Для правовой культуры современной России должны быть характерны признание не только свободы индивида, но и правового и культурного многообразия, в то же время она должна быть свободна от иллюзий универсальности западного пути правового развития.

Необходимо также формирование посредством соответствующих средств и технологий разностороннего культурного комплекса, ориентированного на инновационное развитие. Разумеется, такой комплекс должен выражаться в действующем праве и правовой политике государства. Необходим также критический анализ и общественное обсуждение всех значимых социальных и культурных концепций. Все это призвано способствовать гармонизации культуры, в том числе правовой, и потребностей современного развития общества.

Итак, современность знаменует начало процесса возрастания технологических факторов, влияющих на развитие правовых систем и на правовую культуру, усиления роли правовых и политических технологий в воздействии на культурные феномены.

¹ Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002. С.131.

² Барулин В.С. Российский человек в 20 веке. Потери и обретение себя. М., 2000. С.87.

³ Право и культура. М., 2009. С.87.

⁴ Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. 2003. №1. С.198.

⁵ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С.74.

⁶ Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000. С.99.

⁷ Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002. С.100.

⁸ Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. 2003. №2. С.17.

⁹ Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. №11. С.73.

¹⁰ Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы. Автореф.дисс.канд.юрид.наук. Казань, 2012. С.14.

¹¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2004. С.152-153.

¹² Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С.85.

¹³ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С.104.

¹⁴ Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. №3. С.186.

¹⁵ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. С.307.

Список цитируемой литературы:

1. Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы. Автореф.дисс.канд.юрид.наук. Казань, 2012.

2. Барулин В.С. Российский человек в 20 веке. Потери и обретение себя. М., 2000.

3. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002.

4. Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. 2003. №2.

5. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000.

6. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.

7. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

8. Право и культура. М., 2009.

9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.

10. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. №11.

11. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. 2003. №1.

12. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. №3.

13. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2004.

The list of the quoted literature:

1. Balakleets I. I. Legal culture in the conditions of modernization of Russia: realities, trends and prospects. Abstract.Diss.kand.the faculty of law.sciences'. Kazan, 2012.

2. Barulin V. S. Russian people in the 20th century. Loss and finding yourself. M., 2000.

3. Gritsenko G. D. Law as a socio-cultural phenomenon: the state of the problem and prospects for resolution. Stavropol, 2002.

4. Maltsev V. A. Law as normative-activity system // Jurisprudence. 2003. No. 2.

5. Manchenko A. P. Social modernization in modern Russia. M., 2000.

6. Modernization in Russia and the conflict of values. M., 1994.

7. Panarin A. S. Orthodox civilization in the global world. M., 2002.

8. Law and culture. M., 2009.

9. Rubinstein S. L. Being and consciousness. M., 1957.

10. Smolenskiy M. B. law and legal culture as a basic value of civil society // Journal of Russian law. 2004. No11.

11. Smolensky M. B. Legal culture, personality and civil society in Russia: the formula of interdependence // Jurisprudence. 2003. No. 1.

12. Flier A. Ya. Culture as a factor of national security // Social Sciences and modernity. 1998. No. 3.

13. Fromm E. Escape from freedom. Minsk, 2004.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О СТРАХОВОЙ МЕДИЦИНЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 18-011-00135

**THE APPLICATION OF NORMS OF RUSSIAN LEGISLATION
ON INSURANCE MEDICINE: ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL LEGAL
PRACTICE**

The publication has been prepared under the supported by the RFBR science project 18-011-00135

*Лупарев Е.Б.,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

*E.B. Luparev,
doctor of law, professor,
head of the administrative and financial law
Federal HPE «Kuban State University»*

*Е.В. Епифанова,
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

*Epifanova E.V.,
Ph.d., Associate Professor,
Associate Professor, Department of theory and history of State
and law of the Federal HPE «Kuban State University»*

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, правоприменительная деятельность, гражданско-правовая ответственность, защита прав потребителей.

Аннотация: в статье рассматривается проблематика актуальной правоприменительной деятельности судов и административных органов в сфере страховой медицины. Акцентируется внимание на вопросах юридической ответственности в анализируемой сфере.

Keywords: compulsory health insurance, law enforcement, civil liability, consumer protection.

The summary: the article deals with the problematics of the actual enforcement of the courts and administrative bodies in the field of insurance medicine. Focuses on issues of legal liability in the field.

Право на жизнь и охрану здоровья относится к числу общепризнанных, основных, неотчуждаемых прав и свобод человека, подлежащих государственной защите. Медицинское страхование представляет собой форму социальной защиты населения в области охраны здоровья.

В качестве субъектов и участников обязательного медицинского страхования современным федеральным законодательством определены: застрахованные лица, страхователи, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, территориальные фонды, страховые медицинские организации, медицинские организации.

Бюджетная статистика свидетельствует о том, что в 2018 году в медицинские организации поступило 1 933,1 млрд. рублей, что на 19,3% больше по сравнению с 2017 годом. Расходование средств ОМС медицинскими организациями в 2018 году составило 1 908,4 млрд. рублей, что на 18,4% больше, чем в 2017 году. В структуре расходов медицинских организаций доля расходов на оплату труда и начисления на выплаты по оплате труда составила – 70,7%, на приобретение медикаментов и перевязочных средств – 10,0%, продуктов питания – 1,1%, мягкого инвентаря – 0,1%, иные расходы 18,1%. Численность лиц, застрахованных по обязательному медицинскому страхованию, на 1 апреля 2017 года составила 146,4 млн. человек, в том числе 61,4 млн. работающих и 85,0 млн. неработающих граждан.

Соответственно, страховые медицинские организации стали выполнять роль не только распределителя финансовых потоков, но и защитника интересов застрахованных граждан, в том числе в судебном порядке, предъявляя иски к медицинским учреждениям на материальное возмещение физического или морального ущерба, причиненного застрахованному лицу по вине медицинских организаций.

Сделан акцент на пациентоориентированную модель медицинской помощи и усиление роли страховых компаний в системе обязательного медицинского страхования. С января 2019 года в России стартовал федеральный проект «Развитие первичной медико-санитарной помощи», рассчитанный до 2024 года. Он имеет несколько ключевых показателей эффективности, но главная его задача – создать систему управления качеством оказания медицинской помощи и сопровождения пациента в процессе лечения, включая защиту его прав¹.

Сопровождение пациента будут осуществлять страховые представители, задачей

которых является обеспечение граждан помощью по любым вопросам, связанным с оказанием медицинской помощи по полису ОМС. Планируется, что в 2019 году доля медицинских организаций, имеющих страховых представителей, составит 30,7% по всей России, в 2020 году – 47,8%, а в 2024 году – 73% медицинских организаций первичного звена².

Страховые представители должны обеспечить соблюдение прав граждан на получение медицинской помощи и урегулировать преимущественно в досудебном порядке конфликты, возникающие в процессе оказания медицинской помощи по полису ОМС между пациентами и медицинскими организациями. Планируется в 2020 году открыть офисы страховых представителей в 36 регионах, в 2021 – в 48, а в 2024 году – во всех

Одной из основных проблем выступает то, что человек чаще всего не знает о перечне бесплатных услуг, входящих в ОМС, и, находясь в болезненном состоянии, готов оплатить их (при наличии у него таких средств) или взять кредит на лечение. Это в том числе приводит к тому, что усиливается неравенство между различными слоями населения в качестве и доступности медицинской помощи, резко снижает удовлетворенность населения медицинской помощью³.

Кроме того, в сферу правоприменения входит не только дела, вытекающие из обязательного медицинского страхования, но и дела в рамках добровольного медицинского страхования за счет средств работодателя⁴ или самого пациента.

Одним из способов разрешения конфликтов в сфере медицинской деятельности отдельные ученые видят процедуру медиации, но комплексный характер здравоохранительного права может препятствовать применению процедуры медиации в сфере оказания медицинской помощи, так как если отношения между медицинской организацией, врачом и пациентом лежат в области административного или уголовного права, то медиативное соглашение невозможно как противоречащее Закону о медиации⁵.

Соответственно, значительная часть правоприменения в медицинской сфере лежит в области различных форм юридической ответственности.

Исходя из существующих классических видов ответственности, в российском законодательстве предусмотрена *гражданско-правовая, уголовно-правовая и администра-*

тивная ответственность за нарушение законодательства о страховой медицине.

Гражданско-правовой аспект ответственности в сфере медицины в соответствии со ст. 16 ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» базируется на том, что застрахованные лица имеют право на бесплатное оказание им медицинской помощи медицинскими организациями при наступлении страхового случая на всей территории РФ в объеме, установленном базовой программой обязательного медицинского страхования, и возмещение медицинской организацией ущерба, причиненного в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ею обязанностей по организации и оказанию медицинской помощи.

Объем причинения вреда здоровью охватывает утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение.

Гражданско-правовая ответственность медицинской организации наступает в виду неисполнения или ненадлежащего исполнения договора страхования. Медицинская организация заключает договоры на предоставление медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию и на оказание платных медицинских услуг. Виды нарушений при оказании медицинской и лекарственной помощи застрахованным перечислены в Методических рекомендациях «Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования», утвержденных Федеральным фондом ОМС 27 апреля 1998 г.⁶

Условиями наступления гражданско-правовой ответственности медицинской организации являются: 1) причинение вреда пациенту; 2) противоправность (нарушение требований закона и иных нормативных правовых актов) действиями (бездействием) медицинской организации (ее персонала); 3) наличие причинной связи между противоправным деянием и возникшим вредом; 4) наличие вины медицинской организации.

По итогам обобщения судебной практики следует выделить две основные категории гражданско-правовых споров по исследуемой теме:

- споры, вытекающие из договоров обязательного медицинского страхования
- споры, вытекающие из договоров оказания отдельных платных медицинских услуг.

У судов при рассмотрении дел указанной категории возникают сложности при определении: предмета доказывания, распределении бремени доказывания, установлении причинно-следственной связи, определении размера компенсации морального вреда и применении к данным правоотношениям Закона Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей». Истцы в большинстве своем обращаются в суд за взысканием материального ущерба и компенсации морального вреда, связанного с оказанием медицинских услуг ненадлежащего качества, причинением вреда здоровью потерпевшего либо смертью потерпевшего в результате неправильного лечения, несвоевременного оказания медицинской помощи.

Вполне адекватной иллюстрацией подобных споров выступает определение Санкт-Петербургского городского суда от 27 января 2011 г. N 33-1092/2011, которым суд удовлетворил иски о возмещении вреда, причиненного здоровью и взыскании компенсации морального вреда, поскольку ортопедическое лечение было проведено с недостатками, которые наряду с недостатками эндодонтического лечения повлекли развитие хронического пародонтита, что подтверждено заключением судебно-медицинской экспертизы. В результате некачественно оказанных медицинских услуг истица претерпела нравственные и физические страдания, нуждается в лечении и повторном протезировании. Аналогичные позиции судов по взысканию морального вреда вследствие некачественного лечения отражены в определении Ленинградского областного суда от 10 августа 2011 г. N 33-3978/2011, определении Ленинградского областного суда от 25 августа 2011 г. N 33-4218/2011, определении Санкт-Петербургского городского суда от 5 мая 2011 г. N 6642, определении Санкт-Петербургского городского суда от 22 марта 2011 г. N 33-3890/2011, определении СК по гражданским делам Московского городского суда от 18 марта 2011 г. по делу г. N 33-7276⁷.

Согласно п.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

20.12.1994 (в ред. 06.02.2007) № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»⁸ моральный вред в сфере медицинской деятельности, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий.

В свою очередь, в абзаце 4 п.32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»⁹ разъяснено, что при определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела. Те же требования содержатся и в ст.ст. 151, 1101 ГК РФ. Поскольку моральный вред по своему характеру не предполагает возможности его точного выражения в деньгах и полного возмещения, то предусмотренная законом денежная компенсация должна лишь отвечать признакам справедливого вознаграждения потерпевшему за перенесенные страдания.

Выборочный анализ судебных актов показал, что на практике возникают сложности с определением размера компенсации морального вреда, суды по разному оценивают признаки справедливого вознаграждения потерпевшему за перенесенные страдания.

Так, решением районного суда исковые требования Б. к ОГБУЗ "К", Министерству здравоохранения Иркутской области, о компенсации морального вреда удовлетворены частично. С ОГБУЗ "К" взыскана компенсация морального вреда в сумме 800 000 рублей. В обоснование иска Б. указала, что ей была произведена операция. Удовлетворяя заявленные требования истцы и определяя размер компенсации 800 000 руб., суд первой инстанции не привел мотивов и обоснований по которым

пришел к выводу о взыскании такой суммы. Апелляционным определением решение районного суда изменено в части взыскания компенсации морального вреда. Судебная коллегия снизила размер взысканной компенсации морального вреда, указав, что определенный судом первой инстанции размер компенсации морального вреда является чрезмерно завышенным. При этом судебная коллегия, учитывая степень вины ответчика, отсутствие прямой причинно-следственной связи между действиями сотрудников ОГБУЗ "К" с повторной операцией и дополнительным лечением в ГБУЗ "И", полагала возможным изменить размер денежной компенсации морального вреда, снизив сумму компенсации до 70000 рублей.

В другом случае, Г. обратилась с иском к ОГАУЗ "Б" в городской суд, указав, что после рождения сына на втором этапе выхаживания новорожденного у нее началось кровотечение. Решением городского суда исковые требования Г. удовлетворены, с ОГАУЗ "Б" взысканы: компенсация морального вреда в размере 100000 рублей, штраф по Закону "О защите прав потребителей" в размере 50 000 рублей. Как указала судебная коллегия по гражданским делам, поскольку судом первой инстанции были оценены достаточные и допустимые доказательства некачественного оказания услуг Г. в ОГАУЗ "Б", повлекшие за собой необратимые обстоятельства - утрату органа - невосполнима, влияет на физическое и психическое благополучие истицы и членов ее семьи, безусловно является тяжелейшим событием в жизни молодой женщины, вывод суда первой инстанции о размере компенсации морального вреда не отвечает требованиям разумности и справедливости. Апелляционным определением решение городского суда отменено. С ОГАУЗ "Б" в пользу Г. взыскана компенсация морального вреда в размере 300000 рублей. Поскольку для установления причинно-следственной связи необходимы специальные познания, судам первой инстанции необходимо назначать экспертизы и оценивать их в совокупности иными доказательствами, в соответствии с требованиями ст.67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ). При этом, если было возбуждено уголовное дело, как в указанном примере, суд первой инстанции может оценить данное заключение, поскольку именно на основании выводов экспертизы о наличии причинно-следственной связи было возбуждено уголовное дело¹⁰. На подобные обстоятельства, связанные с распределением бремени доказывания при разрешении дел в сфере меди-

цинской деятельности указывает А.Е. Бочкарев, который считает, что «чаще встречаются экспертизы, в которых установлены недостатки при оказании медицинской помощи и одновременно эксперт делает вывод о том, что они не находятся в прямой причинной связи с неблагоприятными последствиями для пациента, которые, по мнению эксперта, возникли в связи с заболеванием, а не действиями медицинских работников. Необходимо отметить, что такой вывод экспертов не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска, поскольку никакие доказательства, в том числе и судебная экспертиза, не имеют для суда заранее установленной силы»¹¹.

Дополнительной защитой интересов потребителя медицинских услуг с помощью установления особой разновидности законной неустойки служат правила п.п. 5, 6 ст.13 Закона о защите прав потребителей, направленные на стимулирование добровольного порядка удовлетворения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) законных требований потребителя и на недопустимость доведения до судебного разбирательства бесспорных требований потребителя об уплате неустойки (пени), предусмотренной законом или договором. В частности, при удовлетворении судом законных требований потребителя, помимо гражданско-правовой ответственности перед потребителем суд, возлагает на изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченную организацию или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение им добровольного порядка удовлетворения требований потребителя ответственность в виде штрафа в размере 50% суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

На это указывает п.46 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»¹², согласно которому при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п.6 ст.13 Закона). Таким образом, из содержания п.6 ст.13 Закона «О защите прав по-

требителей» делается вывод о том, что штраф взыскивается только за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

Следует констатировать, что гражданско-правовая ответственность, установленная действующим законодательством, дает возможность защитить права потребителя медицинских услуг, однако расплывчатость и многообразие правовых норм не дает возможности сориентироваться рядовому потребителю и самостоятельно защитить свои права. В этой связи страховые организации и страховые представители выполняют функцию защиты гражданских (частных) прав пациентов.

¹<http://www.ffoms.ru/news/monitoring-smi/roshal-demografiyu-nelzya-otryvat-ot-zdravookhraneniya-ekologii-usloviy-raboty/>. Дата размещения 27 декабря 2018

²<http://www.ffoms.ru/news/monitoring-smi/roshal-demografiyu-nelzya-otryvat-ot-zdravookhraneniya-ekologii-usloviy-raboty/>. Дата размещения 27 декабря 2018

³ Проблемы развития медицинского страхования в России // https://studwood.ru/861693/pravo/problemy_obyazatelnogo_meditsinskogo_strahovaniya_putiresheniya

⁴ Бойцов Г. Ответственность медучреждения за ошибки в лечении больных по договору с предприятием. Споры и советы компаниям // Трудовое право. 2017. № 5. С. 57 - 112

⁵ Помазкова С.И. Проблемы применения процедур медиации при урегулировании и разрешении споров в сфере медицинской деятельности // Российский судья. 2014. № 10. С. 9

⁶ Методические рекомендации «Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования», утвержденные Федеральным фондом обязательного медицинского страхования 27 апреля 1998 г. // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/>

⁷ Официально не опубликованы. Доступ: Электронный ресурс СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.05.2019)

⁸ Российская газета. 1995. 8 февраля

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3

¹⁰ Справка Иркутского областного суда о результатах обобщения судебной практики рассмотрения судами Иркутской области гражданских дел, связанных с оказанием медицинских услуг ненадлежащего качества, причинением вреда здоровью потерпевшего либо смертью потерпевшего в результате неправильного лечения, несвоевременного оказания медицинской помощи // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/>

¹¹ Бочкарев А.Е. Распределение бремени доказывания в гражданском процессе по спорам о

качестве медицинских услуг // Медицинское право. 2017. N 6. С. 5 - 9

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9

Список цитируемой литературы:

1. Бойцов Г. Ответственность медучреждения за ошибки в лечении больных по договору с предприятием. Споры и советы компаниям // Трудовое право. 2017. № 5. С. 57 - 112
2. Бочкарев А.Е. Распределение бремени доказывания в гражданском процессе по спорам о качестве медицинских услуг // Медицинское право. 2017. № 6. С. 5 - 9
3. Помазкова С.И. Проблемы применения процедур медиации при урегулировании и разрешении споров в сфере медицинской деятельности // Российский судья. 2014. № 10. С. 9-12

The list of the quoted literature:

1. Boytsov G., Medical institutions an error, the responsibilities in the treatment of patients under the contract with the company. Disputes and advice companies//Labor law. 2017. № 5. P. 57-112
2. Bochkarev A.E. Burden of proof in civil proceedings on disputes about the quality of medical services//Medical law. 2017. №. 6. P. 5-9
3. Pomazkova S.I. Problem mediation procedures in dealing with and resolving disputes in the sphere of medical activities//The Russian judge. 2014 № 10. P. 9-12

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО – ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

THE RIGHT FOR LIFE AND ITS REALIZATION IN THE CRIMINAL LAW (RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE)

Огородникова Н. В.

кандидат юридических наук, доцент,

профессор кафедры уголовного права и криминологии

Кубанского государственного университета

Ogorodnikova N. V.,

PhD in Law, Professor,

Criminal Law and Criminology Department,

Kuban State University

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны, жизнь, начальный момент жизни, искусственное прерывание беременности (аборт), плод, неродившийся ребенок.

Аннотация: В статье анализируется отношение российского уголовного законодательства к обеспечению охраны жизни, определению её начального момента, обуславливающего непризнание плода, развивающегося в процессе беременности в организме матери, объектом уголовно-правовой охраны; приводится компаративистский анализ, включающий ретроспективный обзор отечественного законодательства и позиция современных зарубежных законодателей по защите неродившихся детей.

Keywords: object of criminal protection, life, initial moment of life, abortion (abortion), fruit, not been born child.

The summary: In article the relation of the Russian criminal legislation to ensuring protection of life, definition of its initial moment causing non-recognition of the fruit developing in the course of pregnancy in mother's organism, object of criminal protection is analyzed; the komparativistsky analysis, the including retrospective review of the domestic legislation and a position of modern foreign legislators on protection of not been born children is provided.

Конституционная оценка правоохраняемых интересов служит неизменным ориентиром для структуризации и содержательного наполнения всех отраслей законодательства. В соответствии с первыми Конституциями РСФСР и СССР таковыми интересами признавались потребности рабоче-крестьянской, позже – советской власти. На протяжении десятилетий государственные и общественные интересы превалировали над личностными (индивидуальными). Конституция РФ 1993 г.

сменила приоритеты, провозгласив человека, его права и свободы высшей ценностью, а соблюдение и защиту их – обязанностью государства. Соответственно, основываясь на её положениях, а также общепризнанных принципах и нормах международного права, уголовный закон охрану прав и свобод человека и гражданина называет одной из важнейших задач и ставит её на первое место (ст. 2 УК РФ 1996 г.). Среди индивидуальных благ личности важнейшим является жизнь. Статья 20 Кон-

ституции РФ провозглашает, что «каждый имеет право на жизнь». Статусность этого охраняемого объекта подтверждается последовательностью изложения нормативного материала. Используя в качестве системообразующего элемента Особенной части такие свойства объекта как его ценность и значимость, законодатель ранжирует группы преступных деяний. Именно поэтому Особенная часть УК РФ открывается разделом VII «Преступления против личности»; данный раздел – главой 16 «Преступления против жизни и здоровья»; названная глава – нормами о посягательствах на жизнь.

В контексте сказанного представляет интерес определение начального момента жизни, с которого она попадает под защиту уголовного закона.

Будучи физиологическим процессом, жизнь имеет начальный и конечный моменты, четкое определение которых имеет важное, а в отдельных случаях основополагающее значение и от которых зависит квалификация причинения смерти другому человеку. Определение окончания жизни сложностей не возникает, хотя сам процесс умирания не одномоментен и включает несколько стадий, завершающимися из которых являются клиническая и биологическая смерть. Констатация последней и признается конечным моментом жизни. Относительно начального её момента отсутствует единое понимание по данному вопросу (среди медиков, теологов, философов, правоведов), в том числе и в уголовно-правовой доктрине. Особую актуальность приобрел этот вопрос в связи с трансформацией детоубийства из разряда простого в привилегированный вид убийства, о чем свидетельствовали десятки научных публикаций в первые годы действия УК РФ 1996 г.¹. Доминирующим признается мнение, что начальным моментом жизни считается начало физиологических родов, позволяющее установить грань между состоянием «плод» и «ребенок», т.е. суть человек (хотя и само понятие «начало физиологических родов» требует конкретизации). К такому выводу приводит сопоставление текста закона об убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) и о незаконном проведении искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ).

Деяние, предусмотренное ст. 123 УК РФ, относится к преступлениям против здоровья; соответственно объектом признается не человеческий эмбрион, будущий человек, а здоровье (в особо квалифицированном составе – жизнь) женщины, насильственно изгоняющей

плод из своего организма. По российскому уголовному законодательству плод не является объектом уголовно-правовой охраны. Хотя современная наука утверждает, что на 14-ый день после зачатия эмбрион уже является человеком, а при сроке беременности в 18 недель ребенок полностью сформирован. Более того, не единичны случаи, когда детей оперируют и спасают еще в организме матери. Однако и в медицинской науке нет четкости в определении момента возникновения жизни и права на жизнь. В настоящее время 22-хнедельный срок беременности признается критерием, разграничивающим искусственное прерывание беременности (аборт) и преждевременные роды.

Поэтому вопрос о разграничении детоубийства и истребления (умерщвления) плода не теряет актуальности. Светские законы всё ближе смыкаются с религиозными мировоззрениями по этому поводу. Практически все мировые религии, в том числе православное христианство, считающие, что жизнь начинается до рождения, признают убийством посягательство на плод во чреве матери независимо от срока беременности. Позиция религии по этому вопросу статична, позиция же общества и государства динамична, что прослеживается даже на примере российского уголовного закона. Проблема усугубляется тем, что российский законодатель закрепил приоритет прав каждой отдельной личности как неотъемлемой составляющей части общего блага, но не внес ясности в установление границ врачебной ответственности. Обращение к предшествующему законодательному материалу показывает отношение государства к искусственному прерыванию беременности (аборту), а также коррекции такого отношения. Так, статья 140-б УК РСФСР 1926 г. устанавливала уголовную ответственность беременных женщин за производство незаконного аборта, тогда как позже уголовному преследованию за эти же действия стали подвергаться лица, производящие изгнание плода, а здоровье женщины, её безопасность были поставлены под уголовно-правовую охрану. По УК РСФСР 1960 г. наказывалось незаконное производство аборта врачом (ч. 1 ст. 116 УК) или лицом, не имеющим высшего медицинского образования (ч. 2 ст. 116 УК). Действующий закон за искусственное прерывание беременности предусматривает уголовную ответственность для лиц, не имеющих высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 123 УК). На примере исторического материала можно проиллюстрировать диаметрально противоположное отношение государства к про-

блеме аборта в различные периоды: от полного запрета – до абсолютно полного предоставления женщине права самой решать эту проблему.

Помимо экскурса в историю развития государственного регулирования аборта в России полезно обратиться к опыту зарубежного законодателя, чья позиция по рассматриваемому вопросу не отличается единообразием. Отечественный законодатель не включил общественные отношения, обеспечивающие нормальные и безопасные условия развития плода, в число охраняемых объектов, тогда как изучение зарубежного законодательства позволяет констатировать, что российская правовая наука недооценила значимость нормативно-правового регулирования этой сферы. В отличие от России в других странах детально регламентируется уголовная ответственность за действия, связанные с прерыванием беременности. В ряде стран вопросам легитимности прерывания беременности посвящено несколько статей. Отношение зарубежного законодателя к этому деянию зачастую можно определить непосредственно из названия разделов или статей.

УК Испании статьи 157 и 158 объединил в специальный раздел IV «Повреждение плода»². Название раздела позволяет достаточно четко определить объект уголовно-правовой охраны – нормальное развитие плода, но не здоровье женщины, вынашивающей его. Более того, по смыслу закона, в случае умышленного деяния (ст. 157 УК) она сама может быть привлечена к уголовной ответственности. Такой вывод следует из оговорки, содержащейся в ст. 158 УК, что беременная женщина, совершившая деяние вследствие грубой неосторожности, не наказывается. В названных статьях ответственности подвергается тот, кто каким-либо способом причиняет плоду повреждения или травму, нанеся серьезный вред нормальному развитию плода или вызвавшей у него серьезный физический или психический недостаток.

Французский законодатель также обеспечен нормальными и безопасными условиями развития плода, посвятив незаконному прерыванию беременности три статьи отдела 5 УК Франции³. В число субъектов преступного деяния включена и «женщина, которая осуществляет прерывание беременности у себя самой» (ст. 223-12 УК) с оговоркой, что, учитывая бедственные обстоятельства или личность виновной, суд может принять решение о неприменении наказаний.

Польский законодатель в ч. 1 ст. 157а Уголовный кодекс⁴ установил ответственность для того, кто причинил плоду телесное повреждение или расстройство здоровья, угрожающее его жизни. В частях второй и третьей предусмотрено исключение уголовной ответственности для двух видов субъектов этого преступления: для врача и самой беременной женщины, но для врача оно ненаказуемым может быть лишь в результате врачебных действий, необходимых для устранения опасности, грозящей здоровью или жизни беременной женщины или плода.

УК Швейцарии в первый раздел «Преступные деяния против жизни и здоровья» включает четыре подраздела в такой последовательности: Первый и второй подразделы именуются «Убийство» и «Прерывание беременности». Третий и четвертый посвящены соответственно телесному повреждению и угрозе жизни и здоровью⁵. Такое расположение уголовно-правовых норм также достаточно красноречиво свидетельствует о позиции швейцарского законодателя по отношению к насильственному изгнанию плода из организма его матери. В четырех статьях второго подраздела отдельно предусматривается ответственность беременной женщины, либо самой прерывающей беременность, либо допускающей это (ст. 118 УК). Разная степень ответственности устанавливается для того, кто прерывает беременность с согласия этой женщины или оказывает ей помощь в этом (ч. 1 ст. 119 УК), кто совершает рассматриваемое деяние без согласия этой женщины (ч. 2 ст. 119 УК) и кто занимается прерыванием беременности в виде промысла (ч. 3 ст. 119 УК). В ст. 120 УК детально регламентируются порядок и условия, при которых прерывание беременности ненаказуемо. Это достаточно жесткая процедура, и за несоблюдение установленного порядка, в частности, за неуведомление о прерывании беременности в ст. 121 УК предусмотрена уголовная ответственность.

УК Японии в часть вторую «Преступления» включает главу 29 «Преступления, состоящие в совершении аборта»⁶. Указанная глава состоит из пяти статей (ст. 212-216), предусматривающих уголовную ответственность за производство аборта путем применения медикаментов или другим способом, для любых лиц, включая и саму беременную, хотя в последнем случае установлены наименее строгие санкции (ст. 212 УК). Именно этот фактор и позволяет предположить, что таким образом уголовный закон охраняет плод от насиль-

ственного посягательства на него со стороны кого бы то ни было, в том числе и самой матери. Но это только на первый взгляд, поскольку анализ других норм (ст. 213-216 УК) не подтверждает такого предположения, скорее наоборот, опровергает. Наказуемым признается производство аборта независимо от того, с согласия беременной он производится или без такового, общим субъектом или специальным (врачом, акушеркой, фармацевтом или торговцем медикаментами), но уровень пенализации существенно повышается для обеих категорий субъектов, если результатом этого было причинение смерти или телесного повреждения беременной женщине. С учетом характера тяжких последствий напрашивается вывод, что объектом анализируемой группы преступлений является, как и в российском законе, здоровье, жизнь, безопасность не плода, а вынашивающей его матери⁷.

Анализ УК Германии демонстрирует равнодушие законодателя к рассматриваемой проблеме. Во-первых, преступления, связанные с прерыванием беременности, включены в раздел шестнадцатый «Наказуемые деяния против жизни», что безошибочно позволяет определить, какую группу общественных отношений закон ставит под свою охрану. Во-вторых, из четырнадцати параграфов, образующих названный раздел, семь посвящены регламентации вопросов, связанных с производством аборта⁸. В-третьих, при их описании законодатель пользуется такими терминами как «неродившийся ребенок». В § 219 «Консультация беременных женщин в бедственной и конфликтной ситуации» записано, что «Консультация служит защите неродившейся жизни». Данное концептуальное положение в этой же норме раскрывается в следующей фразе: «При этом женщина должна осознать, что неродившийся ребенок в любой период беременности наряду с ней имеет право на жизнь и что поэтому, согласно правопорядку, прерывание беременности может допускаться только в тех исключительных случаях, когда вынашивание ребенка становится для женщины такой тяжелой и чрезмерной нагрузкой, что она выходит за допустимые рамки». Защите неродившейся жизни служит криминализация и таких (помимо прерывания беременности) деяний как агитация за прерывание беременности (§ 219a УК) и сбыт средств для прерывания беременности (§ 219b УК). Более того, четкая позиция немецкого правосознания по вопросам допустимости производства абортос просматривается в исключении после 1996 г. из уголовного закона Германии § 217 «Детоубийство», что

можно считать очередным шагом к признанию периода внутриутробного развития плода началом жизни человека.

Болгарский законодатель свое негативное отношение к прерыванию беременности выражает не только в криминализации ряда деяний, связанных с этим процессом, и строгости наказаний за них, но и в терминологии: речь в ст. 126 УК Болгарии идет исключительно об умерщвлении плода⁹.

В ряде штатов США одним из видов умышленного убийства признается умерщвление неродившегося ребенка¹⁰. Уместно вновь отметить, что в УК Испании, Польши, Франции, Швейцарии и многих других государств¹¹, хотя и употребляющих вместо термина «неродившийся ребенок» термин «плод», также заметна обеспокоенность законодателя именно о безопасности последнего.

В настоящее время, как известно, с точки зрения отношения законодателя к абортам выделяют четыре варианта нормативно-правового регулирования этого вопроса. Первый – самый толерантный – допущение аборта по желанию женщины (УК РФ и ряда других стран ближнего зарубежья). Второй вариант – менее либеральный – прерывание беременности разрешено по медицинским и социальным показаниям (УК Венгрии, Исландии, Кипра, Люксембурга, Финляндии). Третий вариант – весьма умеренный – разрешение на аборт возможно лишь при наличии строго названных в законе обстоятельств (УК Испании, Португалии, Польши, ФРГ, Швейцарии). Наконец, четвертый вариант – дозволение на прерывание беременности лишь в исключительных случаях, в ситуации крайней необходимости для спасения жизни женщины (в частности, уголовное законодательство Северной Ирландии).

На наш взгляд, требуется пересмотр существующего отношения в российском обществе к абортам, к праву женщины на свободу репродуктивного выбора, прежде всего в формате научного обсуждения. Следует солидаризироваться с авторами, полагающими, что данное право дискретно и напрямую зависит от срока внутриутробного развития плода¹². В течение беременности постепенно происходит трансформация прав: право матери репродуктивного выбора в первые 12 недель постепенно вытесняется правом её будущего ребенка на жизнь. После истечения указанного периода беременности предпочтение уже должно отдаваться потенциальному праву на жизнь внутриутробно развивающегося плода, когда одно-

го желания и воли женщины на прерывание беременности должно быть недостаточно, требовались бы социальные показания. Наконец, 22-ую неделю, по мнению исследователей, можно признать «гранью» между правом женщины на искусственное прерывание беременности и правом будущего ребенка на жизнь. Признание такой позиции обосновывает вывод о начале уголовно-правовой охраны жизни. Коль скоро срок беременности в 22 недели позиционируют как этап, когда существует реальная возможность роста и развития плода вне материнского организма, то с этого момента и следует вести отсчет жизни, а государство должно по «праву земли» становиться на защиту интересов и прав плода. С точки зрения уголовного закона такая защита должна выразиться в признании посягательства на плод с указанного срока беременности уже не личным делом беременной женщины, а убийством.

Медицинские критерии позволяют ученым-юристам выносить обоснованные предложения о пересмотре традиционных подходов к понятию начала жизни, а соответственно к разграничению детоубийства и истребления (умерщвления) плода.

Безусловно, наше предложение рассчитано на перспективу, оно не может быть принято и реализовано буквально сегодня. Кардинальное изменение в подходе к определению начального момента жизни и, соответственно, начальному моменту её уголовно-правовой охраны должно корреспондироваться с продуманной государственной политикой¹³, защищающей беременных женщин и будущее потомство не на словах, а на деле – конкретными мерами социально-экономического, идеологического, культурно-воспитательного и иного характера.

правовой охраны жизни человека // Уголовное право. 1999. № 4. С. 31-33; Он же. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. 2005. № 1. С. 75-77 и др.

² Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998.

³ Уголовный кодекс Франции. СПб., 2001.

⁴ Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А. И. Лукашова, Н. Ф. Кузнецова; перевод с польского Д. А. Барилевич. СПб., 2001.

⁵ Уголовный кодекс Швейцарии / Пер. с нем. М., 2000.

⁶ Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева. СПб., 2002.

⁷ Хотя при такой ориентации законодателя достаточно нелогично наказывать беременную за производство аборта себе самой при отсутствии аналогичной ответственности за причинение себе телесного повреждения или за покушение на самоубийство.

⁸ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова. Пер. с нем. Н. С. Рачковой. СПб., 2003.

⁹ Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А. И. Лукашова. Перевод с болг. Д. В. Милушева, А. И. Лукашова. СПб., 2001.

¹⁰ См., например, ст. 5/9 - 2.1 УК штата Иллинойс, ст. 2503 штата Пенсильвании.

¹¹ К числу «и других» не приходится относить УК Японии, анализ ст. 213-216 которого позволяет определить, что объектом анализируемой группы преступлений является, как и в российском законе, здоровье, жизнь, безопасность не плода, а вынашивающей его матери (см.: Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева. – СПб., 2002.)

¹² Радченко М. В. Ненадлежащее врачевание в репродуктивной сфере: уголовно-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 12, 84 и др.; Попов А. Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в новом тысячелетии / Уголовное право в XXI веке: Матер. М-унар. научной конф. на юрид. факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая - 1 июня 2001 г. – М.: «ЛексЭст», 2002. С. 200-203.

¹³ Разумеется, вне поля зрения не должны остаться и такие деликатные вопросы как предупреждение нежелательных беременностей, особенно у молодых женщин и девочек.

¹ См., например: Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 4. С. 13-14; Он же. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Рос. юстиция. 2005. № 3. С. 58-59; Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. 2004. № 4. С. 6-10; Лысак Н. В. Проблемы определения начального момента охраны жизни человека в уголовном праве // Рос. следователь. 2002. № 2. С. 38-42.; Романовский Г. Б. Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? // Юрист. 2001. № 11. С. 48-51; Шарапов Р.К. вопросу о начале уголовно-

Список цитируемой литературы:

1. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 4. С. 13-14
2. Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. 2004. № 4. С. 6-10
3. Лысак Н. В. Проблемы определения начального момента охраны жизни человека в уголовном праве // Рос. следователь. 2002. № 2. С. 38-42
4. Романовский Г. Б. Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? // Юрист. 2001. № 11. С. 48-51
5. Шарапов Р. К. вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни человека // Уголовное право. 1999. № 4. С. 31-33

The list of the quoted literature:

1. Boyarov S. Problems of definition of the beginning of human life in criminal law//Criminal law. 2004. No. 4. Page 13-14
2. Volkova T. Legal protection of the right for the newborn's life//Legality. 2004. No. 4. Page 6-10
3. Lysak N. V. Problems of definition of the initial moment of protection of human life//Grew in criminal law. investigator. 2002. No. 2. Page 38-42
4. Raman G. B. Human embryo: subject or subject of legal relationship?//Lawyer. 2001. No. 11. Page 48-51
5. Sharapov R. To a question of the beginning of criminal protection of human life//Criminal law. 1999. No. 4. Page 31-33

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ:
СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО
GENERAL CRIME PREVENTION: CORRELATION BETWEEN
FORMAL AND INFORMAL**

Петровский А.В.

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

Кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Petrovskiy A. V.

Assistant professor at the Department of Criminal Law and Criminology,

Candidate of Juridical Science, Assistant professor,

Federal HPE «Kuban State University»

Ключевые слова: социальная профилактика, криминологические нормы, формальный и неформальный контроль, теория криминологии.

Аннотация: Социальная профилактика является основным направлением устранения и нейтрализации криминогенных детерминантов общества. Однако, существующая сложность и затратность реализации многих социальных превентивных программ, превращает данное направление в фикцию, существующую в теории, но сложно реализуемую на практике. В настоящей статье автор рассуждает о криминологических практиках социальной профилактики и предлагает решение проблемы посредством сочетания формальных и неформальных институтов предупреждения преступлений на основе ряда зарубежных криминологических теорий.

Keywords: General Crime Prevention, Criminological Standards, Formal and Informal Control, Criminological Theory.

The summary: Social prevention is the main direction of eliminating and neutralizing the criminal determinants of society. However, the existing complexity and cost of implementing many social preventive programs turns this direction into a fiction that exists in theory, but is difficult to implement in practice. In this article, the author discusses the criminological practices of social prevention and proposes a solution to

the problem through a combination of formal and informal crime prevention institutions based on a number of foreign criminological theories.

Существует два подхода, в российской криминологии, понимания социальной профилактики преступлений и правонарушений – первый, детерминирует данное понятие, как уже существующие и сформированные обществом культурологические, религиозные, традиционные условия и особенности, обладающие способностью удерживать человека от противоправного поведения и оказать на него воспитательное воздействие¹; второй, подразумевает антикриминогенный потенциал современного общества реализованный посредством культурологического, политического, правового, социального, управленческого, экономического воздействия². Концептуально два данных подхода различаются и если первый, предопределяет наличие в обществе определенного количества населения, обладающего высоким криминогенным потенциалом, которое реализуется посредством самозащиты, активного содействия в охране правопорядка, нетерпимости к противоправному поведению, то второй, отдает предпочтение социально-централизованному воздействию на причины и условия правонарушений. Автор считает, что социальное предупреждение преступлений и правонарушений представляет собой симбиоз нравственной криминорезистентной экологии общества и целенаправленного воздействия социальных, правовых, политических, экономических, религиозных мер, генерируемых государственной, либо муниципальной властью.

Понятие социальной профилактики в зарубежной криминологии неоднозначно, но доминирующая позиция большинства ученых заключается в том, что социальная профилактика преступности должна уделять максимальное внимание воздействию на «первопричины» преступности, особенно на условия, которые способствуют преступному поведению (злоупотребление наркотиками, проблемы подросткового возраста, избыточная занятость и др.). Исходя из того, что преступность вызвана вышеуказанными социальными проблемами общества, под социальной профилактикой преступности понимается разработка превентивной политики и реализация профилактических программ, направленных на улучшение экономической, семейной жизни, развития образования, доступности жилья, формирования возможностей для работы и коммерческой деятельности, стимуляцию превентивной активности соседей, проживающих рядом с по-

тенциальными жертвами и правонарушителями³.

Существуют различные способы объяснения, почему в некоторые субъекты федерации/муниципальные образования испытывают проблемы с реализацией социальной профилактики, порождая криминальную активность населения. Необходимо отметить, что социальная профилактика преступлений и правонарушений в разных регионах/муниципальных образованиях будет различаться. Решение проблем социальной превенции видится в использовании сочетания формальных и неформальных криминологических практик. Для объяснения нашего предложения будут использоваться следующие теории (объяснения):

1. Теория спирали преступности, которая подразумевает основной причиной преступного поведения спиральный упадок жизненных возможностей вследствие множественных социальных проблем⁴. Примером может служить ухудшающиеся возможности семей, проживающих за чертой бедности, которые в настоящее время в России составляют 12%, рост количества скрытой безработицы, особенно среди молодых людей, матерей одиночек. Проблемами ресоциализации можно объяснить высокий уровень рецидива среди лиц, которые ранее были судимы за совершение преступлений⁵, а участие в преступной деятельности обусловлено сложностями социальной ассимиляции мигрантов⁶. Этим общественным группам характерна социально-экономическая нестабильность, высокая вероятность негативных жизненных изменений. Существование представителей таких микрогрупп зависит от бытовых условий, колебаний рынка труда, сложностей доступа к коммерческим услугам и транспорту, состояния жилищного фонда, а также радикальных изменения сопряженных со сносом и строительством жилья эконом класса.

Решение вышеуказанных проблем возможно во взаимодействии криминологических формальных и неформальных институтов. Достичь наибольшей продуктивности воздействия этих норм, возможно, будет только в том случае, когда они будут дополнять друг друга, решая общие задачи. Помощь категории населения, которая относится к группе «исключенных» (excluded)⁷, можно оказывать как со стороны государства, так коммерческих и общественных организаций. Основная нагрузка ло-

жится на управления (департаменты) муниципальных образований по социальной защите населения, которые могут выступать координаторами деятельности всех остальных субъектов. Необходимо создать организации по оказанию помощи таким людям. Эти организации должны размещать в интернете всю информацию о денежных поступлениях со стороны благотворителей и по расходам. По опыту аналогичных иностранных организаций, возглавлять ее должен человек, имеющий высокий социальный статус, авторитет и уважение у жителей муниципального образования. Участвовать в помощи могут, да и должны, религиозные организации. К сожалению, в России, в отличие от стран Западной Европы, церковные организации не так широко участвуют в помощи безработным, матерям одиночкам, лицам, освобожденным из мест лишения свободы, либо не имеющим постоянного места жительства. Желая решать вопросы социальной превенции, государство может, используя иностранный опыт, предложить налоговые льготы и преференции тем коммерческим организациям, которые будут трудоустраивать ранее судимых. Необходимо поощрять неформальные институты взаимопомощи, такие как присмотр за соседскими детьми, организации анонимных алкоголиков, которые могут создаваться по месту жительства. Таким сообществам нужно предоставлять муниципальные помещения, за которые взимать минимальную арендную плату, либо если такое помещение необходимо на несколько часов в день, вообще не брать плату.

2. Теория социальной дезорганизации – это неспособность различных структур (административных, политических, экономических) создать благоприятные социально-экономические условия для населения и поддерживать эффективный социальный контроль⁸.

На самом деле этот научно-практический подход не предполагает построение «серебряного града на холме», где все счастливы и сыты. Сторонниками этой теории на основе эмпирических исследований доказано, что чистые и аккуратные городские кварталы (теория разбитых окон)⁹, наличие освещения на улицах и камер наружного наблюдения CCTV, создание криминально безопасной градостроительной среды (Environmental criminology)¹⁰, наличие патрулей полиции в криминально опасных местах (Theory of Hot Points) оказывает серьезное влияние на криминальные детерминанты и уменьшает страх

населения перед преступными проявлениями¹¹.

Сочетать формальное и неформальное в данном направлении социальной превенции можно посредством сочетания государственных и частных инициатив в области обеспечения правопорядка. Если государство разрешало в частном порядке пользоваться камерами фиксации скорости на автомагистрали коммерческим структурам, то почему нельзя поддерживать начинания жителей по оборудованию камерами CCTV прилегающей территории к дому. Правоохранительным органам создание разветвленной системы видеонаблюдения принесет только пользу, информация с камер может поступать в один аналитический центр, где будет обрабатываться и анализироваться. Освещение населенных пунктов, в ночное время, особенно общественных мест должно финансироваться за счет бюджета по минимальным тарифным ставкам – это расходы на безопасность. Муниципалитеты могут пойти дальше, руководствуясь Европейским стандартом безопасности, требовать от управляющих компаний, собственников нежилых зданий яркости освещения уличного пространства, ночью, не менее 25 люксов = 25 люменам на квадратный метр (чтобы можно было читать крупные буквы в газете).

Градостроительная безопасность также позволит решить многие вопросы воздействия на криминогенные факторы. К таким мерам может относиться внесение в градостроительные правила и планы муниципальных образований требований криминологической безопасности: а) жилые многоквартирные дома должны оборудоваться прозрачной входной дверью в подъезд, и вход в подъезд должен легко просматриваться с проезжей части и тротуара; б) подъезды жилых многоквартирных домов должны располагаться выходами на детскую площадку или стоянку автомобилей; в) лестничные площадки в подъезде должны быть объемными и легко просматриваться в глазок двери любой из квартир, находящейся на этаже; г) следует отказаться от высотного строительства и расположения на одном этаже более 5 квартир; д) стекла на первом, втором, последнем этаже должны обладать повышенной защищенностью и покрываться пленкой, которая затрудняет их быстрое разбивание. В соответствии с положениями криминологической безопасности надо запретить выращивание густых кустарников возле окон первого этажа, чтобы они не закрывали эти окна пешеходам и патрулям, которые будут двигаться по дороге. Необходимо будет обрезать нижние

ветки деревьев, чтобы они также не закрывали окна первого этажа и позволяли видеть входную дверь в подъезд в проезжей части. Развивая сферу оказания охранных услуг, здания должны сдаваться в эксплуатацию уже с обустроенной внутриквартирной сетевой проводкой под охранную сигнализацию.

Как мы видим, принимаемые меры социальной профилактики не требуют кардинальных социально-экономических изменений, они легко решаются работниками муниципальных образований и местной полицией.

3. Теория коллективной эффективности говорит о способности жителей проживающих по соседству (в одном квартале, многоквартирном доме) самостоятельно поддерживать правопорядок в местах общего пользования, общественных местах, дворах, придомовых территориях, скверах, проезжей части¹². Коллективная эффективность реализуется, в случае, когда жители небольшой территории (кондоминиума, квартала, микрорайона) принимают меры по поддержанию общественного порядка – информируют полицию о подозрительных лицах, организуют наблюдения за соседскими домовладениями, патрулируют улицы. Создатели теории утверждали, что жители способны предпринимать антикриминальные действия и участвовать в превенции только тогда, когда существует сплоченность и взаимное доверие между соседями, когда жители одного микрорайона, квартала, домовладения объединены, заинтересованы и связаны ожиданиями общих результатов своей деятельности. В противном случае, при отсутствии доверия, общих целей, жители не будут действовать сообща по устранению причин и условий преступности, будут безразлично относиться к социально-негативным проявлениям по месту жительства.

Формирование законопослушного поведения и участие граждан в профилактике правонарушений – это важная составляющая социальной профилактики¹³. Не говоря о личном участии граждан в охране общественного порядка, мы должны понимать, что формирование антикриминогенной направленности населения, желания содействовать полиции и принимать меры к защите своего имущества возможно только при активной материальной и информационной поддержке со стороны государственных (муниципальных) структур. В первую очередь, государство должно инициировать желание к обеспечению правопорядка у населения, для чего необходимо осуществлять виктимологическое и правовое обучение. Необходимо упростить государственную реги-

страцию таких общественных объединений либо вообще ее исключить. При регистрации максимально упростить бухгалтерскую и административную отчетность таким сообществам. Населению должна предлагаться маркировка ценных предметов, антиквариата, ювелирных украшений за счет государства. Лучшие сообщества профилактической направленности должны ежегодно поощряться, руководители таких коллективов награждаться ценными подарками и деньгами.

4. «Проблема собственной жилплощади», которую ряд ученых определили как потенциальный фактор повышения уровня преступности. Идея данной теории заключается в том, что в тех районах города, в которых доля арендаторов жилья значительно превышала число собственников, отмечалось увеличение числа краж, разбойных нападений, грабежей, актов вандализма. Эти результаты показали устойчивые проблемы в районах с высокой концентрацией арендаторов, независимо от социального неблагополучия¹⁴. В криминологической литературе соотношение доли арендаторов к собственникам определяется, как один из важных прогностических признаков анализа преступности в населенных пунктах¹⁵.

Поддерживая идеи зарубежных ученых, автор считает, что правоохранительным органам давно следует навести порядок на рынке арендного жилья. Неконтролируемые арендные отношения исключают учет перемещения внутри региона или муниципального образования ранее судимых граждан, мигрантов, лиц злоупотребляющих алкоголем и наркотиками, женщин, занимающихся проституцией. Решение этого вопроса возможно только при наличии доверия и реального взаимодействия между полицейским и жителем населенного пункта. Для чего предполагается формирование образа полицейского, как положительной личности. Создание мнения, что правоохранительная деятельность продуктивна, полезна, направлена на благо всех жителей населенного пункта (региона). Для достижения этого нужно провести крупную реформу, цель которой будет переход от репрессивной к профилактической правоохранительной деятельности. Предлагается реализовать 6 основных задач: 1) изменение функциональных обязанностей полицейского; 2) развитие и совершенствование общей системы предупреждения преступлений; 3) организация предупреждения преступлений в муниципальных сообществах; 4) реформирование порядка связи с общественными организациями и населением; 5) реформа полицейского образования и системы профес-

сионального развития; 6) внутренняя демократизация полиции; 7) реализация программ по построению доверия между полицией и представителями общества, трансформация ее в совместную охрану порядка.

Подводя итоги, хочется отметить, что социальная профилактика преступлений и правонарушений только изначально трудно реализуемая на практике. Изучение небольшого количества иностранных криминологических практик, открывает возможности их легкой реализации применительно к российской действительности. Избегая затратных и трудно реализуемых социальных форм превенции таких, как повышение жизненного уровня, искоренение бедности, уменьшение дифференциации между богатыми и бедными можно использовать легко применимые методики. Сочетание формальных и неформальных криминологических норм и институтов в социальной превенции позволит объединить усилия правоохранителей и населения в деятельности по устранению причин и условий преступлений.

¹ Клейменов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2008. С. 235–236; Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). М.: Норма, 2001. С. 180–183.

² Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М.: Щит, 1998. С. 122–123; Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы М.: Норма, 2001. С. 27–28; Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева, СПб.: СПбГУ, 2003. С. 179

³ Rosenbaum, D. P., Lurigio, A.J. and Davis, R. C. (1998) The Prevention of Crime: Social and Situational Strategies, West/Wadsworth, Belmont, 1998. P. 201; Geason S.&Wilson P.R. Crime prevention, theory and practice. Canberra: Australian Institute of criminology, 1988.

⁴ Burney E., (2005) Making People Behave: Anti-Social Behavior, Politics and Policy. Cullompton: Willan Publishing. 200 pp.

⁵ Дикаева М.С. Уголовное наказание в России и зарубежных странах. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 85.

⁶ Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей. Криминологическое исследование. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2012. С. 11.

⁷ Гишинский Я.И. Исключенные навсегда в кн: Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. СПб.: Издательство Алеф, 2013. С. 226 – 234.

⁸ Sampson, R.J. and Groves, W.B. (1989) 'Community Structure and Crime: Testing Social-Disorganization Theory', American Journal of Sociology, Vol. 94, No. 4, 1989. P. 777.

⁹ Wilson J.Q., Kelling G.L., (1982) The Police and Neighborhoods Safety "Broken windows". The Atlantic Monthly, 3. Pp. 29–38.

¹⁰ Wortley, R., & Townsley, M. (2016). Environmental criminology and crime analysis: Situating the theory, analytic approach and application. In R. Wortley & M. Townsley, M. (eds). Environmental Criminology and Crime Analysis (2nd ed). London: Routledge. Pp. 249.

¹¹ Brantingham, P., & Brantingham, P. (1999). Theoretical model of crime hot spot generation. Studies on Crime and Crime Prevention, № 8, pp. 7–26

¹² Community policing in indigenous communities / editors Mahesh K. Nalla, Graeme R. Newman, London new York: CRC Press, 2013. Pp. 366.

¹³ Литвинов А.Н. Предупреждение преступлений и правонарушений. Профилактическая работа с населением. М.: Юркнига, 2004. С. 140 – 143.

¹⁴ Vold, G.S.; Bernard, T.J. and Snipes, J.B. (2002) Theoretical Criminology, Oxford University Press, Oxford, pages 131– 132

¹⁵ Mazerolle, L.; McBroom, J. and Rombouts, S. (2011) 'Compstat in Australia: An analysis of the spatial and temporal impact', Journal of Criminal Justice, Vol. 39, Issue 2, page 134

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М.: Щит, 1998. 340 с.
2. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы М.: Норма, 2001. 496 с.
3. Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей. Криминологическое исследование. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2012. 99 с.

The list of the quoted literature:

1. Alekseev A.I. Criminology. Lecture course. M., 1998. 340 pp.
2. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A.Ya. Criminological prevention: theory, experience, problems M., 2001. 496 pp.
3. Antonov-Romanovsky G.V., Litvinov A.A. Crime of foreign migrants in Russia and counteraction to it. Criminological research. M.: Russian criminological association, 2012. 99 pp.

4. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. СПб.: Издательство Алеф, 2013. 348 с.
5. Дикаева М.С. Уголовное наказание в России и зарубежных странах. М.: Юрлитинформ, 2017. 216 с.
6. Клейменов Криминология: учебник. М.: Норма, 2008. 448 с.
7. Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). М.: Норма, 2001. 344 с.
8. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева, СПб.: СПбГУ, 2003. 432 с.
9. Литвинов А.Н. Предупреждение преступлений и правонарушений. Профилактическая работа с населением. М.: Юркнига, 2004. 160 с.
4. Gilinsky Y.I. Deviance, crime and social control in the "new world". Digest of articles. SPb., 2013. 348 pp.
5. Dikaeva M.S. Criminal punishment in Russia and foreign countries. M., 2017. 216 pp.
6. Kleimenov Criminology: a textbook. M., 2008. 448 pp.
7. Kondratyuk L.V. Anthropology of crime (microcriminology). M., 2001. 344 pp.
8. Criminology: a textbook for high schools / ed. V.N. Burlakova, N.M. Kropacheva, St. Petersburg .: St. Petersburg State University, 2003. 432 pp.
9. Litvinov A.N. The prevention of crime and delinquency. Preventive work with the population. M ., 2004. 160 pp.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД

THE DIGITALIZATION OF DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS: EVOLUTIONARY APPROACH

Семенцов В.А.

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного процесса

Кубанского государственного университета

Sementsov V. A.

doctor of law, Professor,

Professor of criminal procedure Department

Kuban state University

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, роботизация, электронное правосудие, эволюция.

Аннотация: Обосновывается, что последовательное закрепление в УПК РФ терминов «технические средства», «видео-конференц-связь», «электронный носитель информации», «электронная почта», «электронный документ», «электронная подпись» свидетельствует о наличии благоприятных предпосылок для реализации эволюционного подхода к цифровизации уголовного судопроизводства. Утверждается, что эволюционный порядок цифровизации отечественного уголовного судопроизводства обещает быть долгим и непростым, но перспективным и неизбежным, позволяющим избежать реализации радикальных предложений, не учитывающих недостатки цифровых технологий.

Keywords: criminal procedure, digitalization, robotization, e-justice, evolution.

The summary It is proved that the consistent consolidation in the code of criminal procedure of the terms "technical means", "video conferencing", "electronic media", "e-mail", "electronic document", "electronic signature" indicates the presence of favorable prerequisites for the implementation of an evolutionary approach to the digitization of criminal proceedings. It is argued that the evolution of the procedure of digitalization of domestic criminal justice promises to be long and difficult, but promising and inescapable, to avoid the implementation of radical proposals that do not take into account the shortcomings of digital technologies.

Об актуальности выбора темы настоящего исследования свидетельствуют, как минимум, два научных мероприятия:

во-первых, 23 ноября 2018 г. на юридическом факультете Кубанского государственного университета состоялся круглый стол «Цифровизация в правоохранительной деятельности»;

во-вторых, обсуждение 28 ноября 2018 г. проблем цифровизации отечественного уголовного судопроизводства на совместной Международной научно-практической конфе-

ренции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Дело в том, что современная цифровая реальность обуславливает необходимость существенной модернизации различных сфер социальной жизни общества и государства, включая уголовное судопроизводство, за счет использования новых технологий, базирующихся на средствах электронно-

вычислительной техники, компьютерных программ и баз данных, информационно-телекоммуникационных сетей и др. Эволюционные шаги по цифровизации уголовно-процессуальной деятельности предпринимались и ранее, обеспечивая ее оптимизацию и эффективность, позволяя уложиться в предусмотренные законом сроки, а то и сократить их, но при соблюдении прав и законных интересов участников.

Так, одним из достижений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ) стало нормативное закрепление в ст. ст. 35, 376, 407 оснований и порядка применения такой разновидности технических средств как видео-конференц-связь, когда осужденному, содержащемуся под стражей или отбывающему наказание в виде лишения свободы, предоставлено право изложить свою позицию дистанционно, по месту фактического пребывания, с использованием систем видео-конференц-связи. 20 марта 2011 г. в ст. 240 УПК РФ внесены дополнения, разрешившие суду в ходе судебного следствия допрашивать свидетелей и потерпевших с использованием систем видео-конференц-связи, а также получила закрепление в ст. 399 УПК РФ обязанность суда обеспечить осужденному возможность участия в заседании суда в режиме видео-конференц-связи.

Думается, что накопленный положительный опыт видео-конференц-связи в судах позволяет сделать вывод о возможности применения этой инновационной технологии в досудебном производстве, например, при получении объяснения, допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний на месте, объединенных методом расспроса.

28 июля 2012 г. в п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ введены поправки, регламентирующие порядок изъятия, хранения и возвращения законным владельцам в ходе расследования уголовных дел электронных носителей информации, а в ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ предусмотрены особенности изъятия электронных носителей при производстве обыска и выемки. Причем по смысловому значению электронный носитель информации имеет схожие конструктивные и технические характеристики с электронной формой уголовного дела.

18 февраля 2013 г., в связи с отсутствием в ст. 107 УПК РФ указания на технические средства контроля, используемые при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, принято постановление Правительства Российской Федерации, которым утвержден

перечень технических средств для контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения этой меры пресечения и соблюдения наложенных судом запретов и ограничений¹.

25 декабря 2013 г. утвержден Регламент организации извещения участников судопроизводства посредством СМС, которым устанавливаются общие порядок и правила организации извещения участников судопроизводства о дате, времени и месте рассмотрения дела или совершении отдельных процессуальных действий посредством отправки им СМС².

30 марта 2015 г. в ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ закреплено правило, согласно которому потерпевший обязан сообщить адрес электронной почты, а 23 июня 2016 г. в текст УПК РФ введена ст. 474.1, где определен порядок использования электронных документов и предусмотрен термин «усиленная квалифицированная электронная подпись».

Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» определен порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Теперь, согласно ст. 474.1 УПК РФ, предусматривается электронный документооборот в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», предоставляя участникам уголовного судопроизводства право направлять в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления, скрепляемые электронной подписью, и прилагаемые к ним документы, в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте суда. Также в электронном виде можно изготовить судебное решение, которое скрепляется усиленной квалифицированной электронной подписью судьи (судей), и по просьбе или с согласия участника уголовного судопроизводства экземпляр решения в электронной форме может быть направлен ему через Интернет.

26 декабря 2017 г. в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснены правила подачи документов в электронном виде, порядок извещений, подготовки и рассмотрения дела с использованием документов в электронном виде, выполнения судебных актов в форме электронного документа, направления судебных актов и их копий в электронном виде³.

В результате можно констатировать, что в Российской Федерации созданы благоприятные предпосылки для электронной формы уголовного дела, основанной на применении цифровых технологий, вместо традиционной письменной. Более того, здесь необходимо учитывать международный опыт, когда в ряде государств уголовное судопроизводство осуществляется в электронном формате (Саудовская Аравия, Сингапур, Эстония и др.), что позволило существенно его упростить и сократить процессуальные сроки. Имеются и другие положительные результаты внедрения в практику электронной формы уголовного дела: освобождение от бумажного документооборота, использование принципиально новых каналов взаимосвязи участников, изменение приемов и процедур деятельности.

Преимущества «цифры» позволяют внедрять и развивать электронные технологии в сфере уголовного и иных видов судопроизводства, повышая его эффективность и создавая дополнительные гарантии для реализации конституционных прав граждан, способствуя обеспечению доступности и открытости правосудия.

Председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов отмечает, что электронное правосудие сегодня динамично развивается, и новые системы позволяют совершать процессуальные действия с помощью интернета в буквальном смысле «не выходя из дома». Цифровизация правосудия позволит выйти на принципиально новый уровень доступности и оперативности⁴. И еще: введение обязательного автоматического распределения дел между судьями защитит и судей, и участников процесса, позволит устранить «вечный аврал неугоднему судье, завалив того делами сверх меры, а потом поставить ему в вину затяжки сроков и прочие вынужденные нарушения»⁵.

На этом фоне вполне были ожидаемы дискуссии о зарождении новой отрасли права, регулирующего отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта. Так, по мнению председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «цифровизация социальной жизни привела к появлению ранее неизвестных так называемых цифровых прав... свободно общаться и выражать мнения в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) оцифрованной персональной информации»⁶.

Однако тенденция отказа от бумажного уголовного дела в пользу цифровых технологий позволила авторам, исследующим эту тему, занять различные позиции: от опасений, связанных с возвышением цифровизации, до крайней формы ее реализации – замены следователей и других представителей юридической профессии роботами.

В числе ученых, прагматично оценивающих замену бумажного уголовного дела электронным, можно указать М. П. Полякова и А. Ю. Смолина, констатирующих, что «в мире научной и прикладной юриспруденции возникло особое интеллектуальное и эмоциональное напряжение, связанное с разными, порой противоположными подходами к "триумфу технологии"... Очарование технологиями – вот основной идеологический контекст современной реальности. Однако очарование это – далеко не безопасная и безобидная штука»⁷.

Несмотря на то, что информационные технологии существенно облегчают судебную деятельность при отыскании необходимых документов, установлении процессуальных контактов с участниками процесса и технического оформления актов правосудия, А.Т. Боннер справедливо считает, что «вряд ли можно поручить даже самой совершенной ЭВМ исследование и оценку доказательств, установление обстоятельств дела, толкование закона и принятие волевого акта правосудия от имени государства. "Электронное правосудие" скорее новомодный термин, широко используемый сейчас как в процессуальной литературе, так и в практической судебной деятельности, однако он обозначает не "правосудие" в собственном смысле этого слова, а широчайшее внедрение в судопроизводство современных информационных технологий»⁸.

Взвешенный подход к внедрению электронной формы уголовного дела предпринят в Республике Казахстан, где 21 декабря 2017 г. гл. 5 Уголовно-процессуального кодекса дополнена ст. 42.1 «Формат уголовного судопроизводства», где закреплено право лица, ведущего уголовный процесс, по своему усмотрению «вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносятся мотивированное постановление»⁹. Причем реализацию права ведения электронного уголовного дела предполагается осуществлять путем постепенного (эволюционного) перехода с бумажного носителя информации на электронный, о чем свидетельствует содержание ч. 2 ст. 42.1 УПК РК – «В случае невозможности дальнейшего ведения уголовного судопроиз-

водства в электронном формате лицо, ведущее уголовный процесс, переходит на бумажный формат, о чем выносятся мотивированное постановление».

В то же время имеются и достаточно категорические высказывания о перспективах цифровизации уголовного судопроизводства. В частности, С.В. Власова считает, что «вместо следователя, сыщика, в традиционном смысле, субъектом расследования может быть... "робот" (компьютер)». И далее автор пишет: «Раскрытие преступлений... будет осуществляться, разумеется, не людьми – "киберследователями", а техническими интеллектуальными агентами. У них это лучше получится»¹⁰.

По мнению А.С. Александрова, «профессия следователя как юриста, чья профессиональная работа состоит в составлении процессуальных документов – протоколов следственных действий – это мертвая профессия. Его заменит машина»¹¹.

Конечно, в условиях цифровой реальности обсуждение проблемы роботизации уголовного и других видов судопроизводства обусловлено имеющимся положительным опытом использования роботов при подготовке различного рода юридических документов, как своеобразных помощников юриста. Сегодня существует немало юридических программ, позволяющих автоматизировать юридическую деятельность, без составления документов вручную. Обусловлено это тем, что роботизированные программы могут выполнять механическую работу любой сложности, с гораздо большей производительностью, что значительно увеличивает скорость делопроизводства.

Вместе с тем, при неизбежности цифровизации и роботизации, есть такие сложные и нетипичные юридические задачи, которые робот не может и не должен решать, и это в полной мере относится к сфере уголовного судопроизводства, совершенствование которого должно происходить эволюционным путем. Искусственный интеллект в мире права не столь разумен и не способен заменить высококвалифицированного юриста, который должен разбираться в инновационных технологиях, способных менять образ права, влиять на его регулятивный потенциал и эффективность, а при внедрении в отечественное уголовное судопроизводство электронной формы уголовного дел необходимым взвешенный подход. Следует также помнить, что слово «цифра» (по-арабски «ничего», «ноль», «пустой») этимоло-

гически означает «уничтожение», «обнуление», «опустошение».

Думается, что последовательное закрепление в УПК РФ терминов «технические средства», «видео-конференц-связь», «электронный носитель информации», «электронная почта», «электронный документ», «электронная подпись» свидетельствует о наличии благоприятных предпосылок для реализации эволюционного подхода к цифровизации сферы уголовного судопроизводства. Однако эволюционный порядок цифровизации отечественного уголовного судопроизводства обещает быть долгим и непростым, но перспективным и неизбежным, позволяющим избежать реализации радикальных предложений, не учитывающих определенных недостатков цифровых технологий.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Российская газета. 2013. 22 февраля.

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень Актов по Судебной системе. 2014. № 2.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. 2017. 29 декабря.

⁴ Судитесь в личном кабинете: интервью Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова // Российская газета. 2018. 27 ноября.

⁵ В судах вводится электронная система распределения дел между судьями: интервью Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова // Российская газета. 2019. 7 апреля.

⁶ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

⁷ Поляков М. П., Смолин А. Ю. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Вест-

ник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 245-246.

⁸ Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 9.

⁹ Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохрани-

тельной деятельности» от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 14-15.

¹¹ Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 4. С. 80-84.

Список цитируемой литературы:

1. Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 4. С. 80-84.

2. Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 9.

3. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 14-15.

4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международно-го юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

5. В судах вводится электронная система распределения дел между судьями: интервью Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова // Российская газета. 2019. 7 апреля.

6. Судитесь в личном кабинете: интервью Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова // Российская газета. 2018. 27 ноября.

7. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 245-246.

The list of the quoted literature:

1. Alexandrov A.S. The doctrine of investigative actions in the field of "digital world" // Legal bulletin of Samara university. 2017. Vol. 3. № 4. P. 80-84.

2. Bonner A. T. E-justice: reality or the newly-fashionable term? // Herald of civil procedure. 2018. № 1. P. 9.

3. Vlasova S.V. To the question of adaptation of the criminal procedure mechanism to digital reality // Library of the CRI-minalist. 2018. № 1 (36). P. 14-15.

4. Zorkin V.D. Law in the digital world. Reflection on the St. Petersburg international legal forum // Rossiyskaya Gazeta. 2018. May 29.

5. The courts introduced an electronic system of distribution of cases between judges: interview of the Chairman of the Council of judges of the Russian Federation V.V. Momotov // Rossiyskaya Gazeta. 2019. 7 apr.

6. Sue in a private office: interview of the Chairman of the Council of judges of the Russian Federation V.V. Momotov // Rossiyskaya Gazeta. 2018. 27 nov.

7. Polyakov M.P., Smolin A.Yu. Digital technologies in the service of justice: ideological prerequisites and technical aspects // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (42). P. 245-246.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ
ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ**

**SOME ASPECTS OF USE OF MODERN INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES OF INTERACTION
OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION WITH THE PUBLIC**

Головин А.Ю.,

профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

Тульского государственного университета,

доктор юридических наук, доцент

Golovin A.Y.,

Professor of the Department of justice and law

enforcement of Tula state University,

doctor of law, associate Professor

Богомолова А.Г.,

аспирант кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

Института права и управления

Тульского государственного университета

Bogomolova A.G.,

graduate student of the Department of justice and law enforcement.

activities Of the Institute of law and management of

Tula state University

Ключевые слова: средства массовой информации, следователь, взаимодействие, интернет, информационные технологии.

Аннотация: в статье авторами рассмотрены отдельные вопросы использования современных информационных и коммуникационных технологий в процессе взаимодействия органов предварительного расследования с общественностью. Проанализированы организационные и тактические аспекты, предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности данной деятельности.

Keywords: mass media, investigator, interaction, Internet, information technologies.

The summary in the article the authors consider some issues of the use of modern information and communication technologies in the process of interaction of preliminary investigation bodies with the public. Organizational and tactical aspects are analyzed, recommendations aimed at improving the efficiency of this activity are proposed.

Современные информационные процессы носят массовый характер и, благодаря их оперативности, публичности, доверию к ним населения, способны выполнять функцию со-

циальной регуляции и управления обществом, группами людей или поведением отдельных лиц. Очевидно, что деятельность конкретного человека осуществляется в обществе среди

окружающих людей и во взаимодействии с ними. В каких бы условиях и формах не протекала деятельность человека, ее нельзя рассматривать в отрыве от общества. Деятельность человеческого индивида представляет систему, включающуюся в систему отношений общества. Вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует¹.

Аудитория читателей, слушателей, зрителей, как правило, неоднородна и требует дифференцированного подхода при использовании средств массовой информации. В последнее время пресса, радио и телевидение все чаще практикует специальные выпуски, адресованные определенной аудитории с учетом ее интересов и потребностей. Информация, не адресованная конкретной категории людей, не учитывающая их положения, может не достичь поставленной цели².

В процессе использования средств массовой информации следователем (органами дознания по его поручению), характерным и для расследования разбоев на автодорогах, можно выделить несколько групп лиц, влияние на которых может быть оказано распространением той или иной информации относительно расследуемого деяния. При этом следователь может преследовать решение как информационных, розыскных, так и профилактических задач.

Средства массовой информации и коммуникации, в том числе сеть Интернет, выполняют функцию социальной регуляции и управления обществом или группами людей. В связи с этим, использование информационных и коммуникационных возможностей взаимодействия следователя с общественностью в ходе расследования преступлений имеет определенные тактические особенности, связанные с социальными и психологическими факторами. Каждый из видов информационных и коммуникационных технологий имеет свою определенную целевую аудиторию.

В связи с этим, всю социальную среду формально можно разделить по информационной ценности на потенциальную и реальную. Потенциальная аудитория — это группа людей, реализующих техническую возможность воспринимать информацию (наличие теле-, радиоприемников и передающей сети), но практически не способных оказать помощь в расследовании преступлений. Реальная аудитория — группа телезрителей, радиослушателей, пользователей сети Интернет, допустимо располагающих интересующими следствие сведениями. Для достижения задач расследования, следователю необходимо обращаться к

реальной аудитории, то есть к тем группам населения, которые смогут увидеть и воспринять размещенную информацию, заинтересоваться ею и откликнуться с предоставлением полезной информацией.

Кроме того, информация может быть направлена на разные категории населения. Основная группа объектов информационного воздействия — это лица, сообщества, располагающие какой-либо информацией об очевидцах, других свидетелях или о событии преступления, отдельных обстоятельствах его совершения, подготовки и сокрытия. Это самая многочисленная группа, на которую направлен процесс взаимодействия в целях расследования преступлений. Отметим, что аудитория пользователей, слушателей, зрителей, как правило неоднородна и требует дифференцированного подхода при использовании информационных и коммуникационных технологий.

Применение в ходе расследования преступлений определенных психологических методов воздействия на указанные выше категории лиц способствует решению следователем поставленных задач, помогает ему регулировать и строить взаимоотношения с заинтересованными людьми, глубже понимать мотивы поступков людей, познавать объективную действительность, правильно оценивать ее и использовать результаты познания в практической деятельности. Организуя любое обращение в средствах массовой информации, необходимо, прежде всего, учитывать наличие конкретных потребностей общественности, которые могут быть удовлетворены с помощью информации. Общественность, как правило, испытывает такую потребность, связанную с познанием различных сторон деятельности органов расследования, состояния преступности, что, в свою очередь, активизирует внимание, создает у людей готовность наилучшим образом воспринимать информацию. Внимание людей в сфере массового информирования и общения чрезвычайно избирательно, в связи с чем особое значение имеет вопрос о способе передачи информации, ее способности привлечь внимание аудитории, что, в конечном счете, влияет на исход коммуникационного воздействия. В этом плане возможности различных средств массовой информации неодинаковы. Осуществляя выбор таких информационных и коммуникационных способов взаимодействия, лицу, производящему расследование, необходимо учитывать специфику каждого из них, и, прежде всего, возможность оперативного распространения необходимой ин-

формации и характер ее восприятия аудиторией.

С учетом изложенного, полагаем, что будет оправданным комплексное (синхронное) применение нескольких различных информационных и коммуникационных способов взаимодействия, что позволит обеспечить не только охват общественности, но и длительность информационного воздействия на общественность. Фактор времени обнародования нужной информации особенно актуален при решении розыскных задач. Например, в средствах телевидения и радиовещания информация о преступлении и просьба о содействии следователю может пройти в день ее передачи следователем или по его поручению в редакцию СМИ (возможно также организовать экстренные выпуски или прервать для этого текущие передачи), публикации в газетах – через один-пять дней, а в сети Интернет такая информация может быть размещена незамедлительно и способна находиться, быть доступной для ознакомления достаточно долго. В связи с этим необходимо выбирать такие средства информационного и коммуникационного взаимодействия, которые будут обеспечивать оперативную передачу сообщения от следователя к общественности, отдельным социальным группам и индивидам, которые располагают, могут располагать криминалистически значимой информацией либо способны оказать содействие органам расследования другим образом (например, при решении задач криминалистической профилактики преступлений).

Конечно, различные информационные и коммуникационные технологии имеют неодинаковые возможности в передаче и предоставлении информации. В случае, если следователем принято решение об обнародовании фото-видео- или аудиоматериалов, целесообразно использовать такие информационные и коммуникационные способы взаимодействия с общественностью, которые позволяют это сделать. Так, видеоматериалы размещаются посредством телевидения и сети Интернет, поскольку в печатных изданиях и на радиостанциях их размещение в принципе невозможно (может быть лишь указан электронный адрес, по которому заинтересованное лицо сможет ознакомиться с такими материалами, хотя эффективность такого способа донесения информации до общественности сама по себе невысока).

Видится целесообразным, исходя из сложившейся ситуации расследования и обусловленных ею задач взаимодействия с общественностью, использование нескольких кана-

лов донесения таких сведений и обратной связи, что повысит эффективность рассматриваемого взаимодействия и расширит охват потенциальных получателей таких данных.

Публикация, обращение или сообщение следователя к общественности посредством сети Интернет, организация обратной связи таким образом является пока новым направлением взаимодействия органов расследования с населением в целях решения различных криминалистических задач. Очевидны положительные возможности использования таких технологий: оперативность; низкая затратность; доступность; возможность многократного дублирования информации, в том числе самими пользователями сети Интернет; донесение информации до различных групп пользователей различных ресурсов сети Интернет. При направлении информации на разные группы общественности в зависимости от планируемых к решению задач расследования могут учитываться территориальная принадлежность, национальность, профессия, семейное положение, возраст и интересы пользователей тех или иных групп, тематической направленности определенных ресурсов. Например, в целях решения задач информирования общественности о преступлении в отношении несовершеннолетнего, для побуждения общественности к оказанию содействия органам расследования, сообщения (обращения) правоохранительных органов могут быть размещены в средствах массовой информации и коммуникации, целевая аудитория которых - родители несовершеннолетних, представители родительских комитетов, учреждений начального, среднего и средне-профессионального образования.

Порядок и последовательность использования следователем информационных и коммуникационных способов взаимодействия с общественностью в ходе расследования преступления включает в себя следующие стадии:

- определение вида информационных и коммуникационных технологий взаимодействия следователя с общественностью или их комплекса (Интернет-СМИ и приравненные ресурсы (электронные газеты, интернет-радиостанции, интернет-телевидение), социальные сети, электронная почта, видеохостинги и фотохостинги, мессенджеры);

- подготовка материалов для размещения посредством информационных и коммуникационных технологий в целях решения задач расследования преступлений;

- организация приема ответной информации от общественности, ее проверка и оценка.

Выбирая информационные и коммуникационные способы взаимодействия с общественностью, следовательно, помимо следственной ситуации и поставленных задач, должен учитывать следующие факторы:

- определение потенциальной аудитории;

- масштаб действия средства массовой информации и коммуникации (определенная территория вещания, охват средства массовой информации, возможность использования электронных средств, например, сети Интернет; тираж, рейтинг, популярность издания, радио-, телеканала, Интернет-сайта, блога, социальной сети среди общественности либо среди определенной общественной группы, на которую планируется направить информационное воздействие);

- способность информационных и коммуникационных технологий оперативно разместить и довести материал до своей аудитории.

Список цитируемой литературы:

1. Головин А. Ю., Дубоносов Е.С. Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. – Тула, 2001.

2. Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 194-196.

3. Якушев, И. В. О некоторых психологических факторах формирования общественного мнения // Организация общественных связей. М., 1997.

4. Лозовский Д.Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 256-258.

5. Карнович С. А., Грибунов О. П. Мониторинг социальных сетей на предмет обнаружения информации о преступлениях как активная форма обучения сотрудников полиции новым способам выявления и предотвращения наркопреступлений // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: сб. материалов двадцать второй всероссийской науч.-метод. конф.: В 2 ч. Иркутск, 2017. -С. 73-75.

6. Варданыан А. В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. -2017. -№ 3 (82). -С. 32-39

Вышеуказанные факторы учитываются при выборе информационных и коммуникационных технологий в зависимости от поставленных задач. Так, например, для решения розыскных задач особое значение будет иметь фактор оперативного размещения информации и доведения ее до общественности, максимально широкий охват информирования и организация при необходимости обратной связи с органами расследования.

¹ См.: Якушев, И. В. О некоторых психологических факторах формирования общественного мнения // Организация общественных связей. М., 1997.- С.12.

² Подробнее см.: Головин А. Ю., Дубоносов Е.С. Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. – Тула, 2001. – С. 40.

The list of the quoted literature:

1. Golovin A. Yu., Dubonosov E. S. Use of mass media in disclosure and investigation of crimes. - Tula, 2001.

2. Lozovsky D. N. Actual questions of interaction of mass media with law enforcement agencies in the process of investigation of crimes // Society and law. 2015. No. 2 (52). Pp. 194-196.

3. Yakushev, I. V. on some psychological factors of formation of public opinion // Organization of public relations. Moscow, 1997

4. Lozovsky D. N. On the concept of the method of investigation of crimes // Society and law. 2009. No. 5 (27). Pp. 256-258.

5. Karnovich S. A., Gribunov O. P. Monitoring of social networks for detection of information about crimes as an active form of training of police officers in new ways of detection and prevention of drug crimes // training for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies: collection of materials of the twenty-second all-Russian conference.-method. Conf.: 2 hours Irkutsk, 2017. Pp. 73-75.

6. Vardanyan A.V. Report on the committed or preparing crime, received from other sources, as a reason for initiating a criminal case: historical and modern problems of its implementation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 3 (82). - Pp. 32-39

КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО – РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

**ПРЕДМЕТ КРИМИНАЛИСТИКИ В РАБОТЕ С ЭЛЕКТРОННЫМИ
НОСИТЕЛЯМИ ИНФОРМАЦИИ**

**THE SUBJECT OF CRIMINOLOGY IN WORKING
WITH ELECTRONIC MEDIA**

Смахтин Е.В.,

*доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного права и процесса*

Института государства и права

Тюменского государственного университета

Smakhtin E. V. ,

doctor of law, Professor

Professor, Department of criminal law and procedure,

Institute of state and law,

Tyumen state University

Ключевые слова: предмет криминалистики; компьютерные доказательства; компьютерные преступления; криптовалюта; информационные технологии в уголовном судопроизводстве.

Аннотация: в настоящей статье автором рассмотрены отдельные аспекты информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Проанализирован понятийный аппарат, исследованы технические и тактические вопросы работы с электронными следами.

Keywords: subject of criminalistics; computer evidence; computer crimes; cryptocurrency; information technologies in criminal proceedings.

The summary: in this article, the author considers some aspects of information and computer support of forensic activities. The conceptual apparatus is analyzed, technical and tactical issues of work with electronic traces are investigated.

В последние годы довольно часто можно наблюдать увлечение какими-либо модными терминами, входящими в деловой оборот: «электронное правительство», «электронная экономика», «электронная криминалистика» и т.п.

И если, например, термин «криминалистическое исследование электронных документов» более или менее понятен большинству криминалистов, словосочетание «электронная криминалистика» нуждается в некоторых пояснениях. Интернет сегодня изобилует лекциями по «электронной» или «цифровой криминалистике»¹. Полагаем, что в большинстве случаев эти интернет-ресурсы ника-

кого отношения к криминалистике не имеют, а в подавляющем большинстве работ речь идет о компьютерной безопасности, либо о проведении различных компьютерно-технических исследований.

Увлечение модными терминами занятие довольно интересное, но прежде необходимо разобраться в используемых понятиях.

Электронный документооборот в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» давно стал реальностью. Не является исключением и уголовное судопроизводство. Так, статьей 474.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ФЗ от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ) регламентировано его применение. С этого времени

оборот электронных документов в виде ходатайств, заявлений, жалоб, судебных решений имеет тенденцию к постоянному увеличению. Согласно закону такие документы подписываются электронной подписью. Применительно к вещественным доказательствам законодатель использовал термин «электронные носители информации».

Таким образом, электронный документооборот внедрен в сферу судопроизводства. Нетрудно предположить, что информационно-телекоммуникационные системы являются объектом преступных посягательств, что ставит перед криминалистикой насущную задачу, требующую своего незамедлительного решения. Речь идет о криминалистических особенностях работы с т.н. «электронными следами» в широком смысле этого слова.

Одним из родоначальников частной криминалистической теории компьютерной информации и средствах ее обработки можно считать В. Б. Вехова². Отметим, что в криминалистике все большее значение уделяется работе со средствами компьютерной техники, информационно-телекоммуникационными сетями и информационными системами. Грамотное криминалистическое обеспечение этого процесса позволяет существенно повысить эффективность деятельности следователя и суда, их функциональную составляющую, что и относится к предметной сфере криминалистики. Что касается содержательных аспектов работ В.Б. Вехова, отметим, что предложенный им термин «электронная криминалистика» нельзя признать удачным³. Более правильной является позиция Е.Р. Россинской, предложившей дефиницию «информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности»⁴.

Очевидно, что современные ИТ-технологии будут приобретать все большее значение в практической деятельности, что подтверждается, как научными исследованиями криминалистов, проведенными в последнее время, так и публикациями в сборниках научных трудов⁵.

Определенный оптимизм внушает и коллективная работа ученых, интересующихся вопросами использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве⁶.

Не менее важным направлением является и внедрение результатов научных исследований в практику. В практической деятельности следователя, безусловно, может быть поле-

зен изданный коллективом авторов ИТ-справочник следователя⁷.

Развитие информационных технологий привело к увеличению, как количества компьютерных преступлений, так и преступлений, совершаемых с использованием компьютера. Представители уголовно-процессуальной науки исследуют компьютерную информацию через призму доказательств и доказывания. На наш взгляд, интерес для уголовно-процессуальной и криминалистической науки представляет работа А.И. Зазулина, в которой предлагается новая редакция статьи 74 УПК РФ, а также дается авторское определение «цифровой информации»⁸. Для разграничения предметов ведения уголовного процесса и криминалистики, приведем точку зрения В.С. Балакшина, который обоснованно считает, что результатом взаимодействия объектов материального мира является след в широком смысле этого слова, расшифровав который можно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию⁹. Следовательно, применительно к электронным доказательствам, вполне допустим термин «электронный след».

Криминалистика является наукой, имеющей специфический предмет. Изучение функциональных аспектов совершения преступления привело большинство криминалистов к убежденности в том, что в предметной сфере криминалистики находятся закономерные связи в механизме совершения преступления, а также особенности его отражения в материальных следах и идеальных образах. Взаимодействие различных объектов материального мира при совершении преступления приводит к образованию различных следов, причем не только материальных, но и идеальных. Именно поэтому вопросы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования различных следов всегда находились в центре внимания криминалистов. Следовательно, задачей криминалистики применительно к теме статьи является обеспечение перехода от «электронного следа» к «электронному доказательству». Если вернуться к терминологии В.С. Балакшина, именно криминалисты должны расшифровать след. Взаимосвязь уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности очевидна. Учитывая, что в настоящее время законодатель документ на бумажном носителе признает равнозначным электронному документу, в уголовном судопроизводстве последний может фигурировать как «вещественное доказательство» или как «иной документ».

Термин «электронные доказательства» широко используется и в работах по кримина-

листике. Так, упоминаемый В.Б. Вехов исследовал, как проблемы работы с электронными доказательствами, в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства¹⁰, так и особенности фиксации электронных доказательств¹¹.

Осмысление научных исследований, проведенных в последние годы, материалов практики приводит к выводу о том, что электронный документооборот активно используется преступниками, следовательно, является объектом изучения и других уголовно-правовых наук. Повторим, что в предмет криминалистики входят вопросы обнаружения, фиксации, изъятия и первичного исследования электронных следов. Они могут быть различны по своей природе. Очевидно, что это могут быть следы в электронных вычислительных машинах, информационно-телекоммуникационных сетях и информационных системах.

Работа с такими следами обладает определенной спецификой, которая должна учитываться в ходе производства процессуальных действий, связанных с осмотром и выемкой такой информации, обнаружением носителей электронной информации в ходе производства обыска. Технические и тактические вопросы работы с такими электронными следами имеют определенную специфику и должны изучаться в криминалистике. Разработка новых технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации и изъятия таких следов, особенно учитывая, что последние могут модифицироваться, видоизменяться, уничтожаться представляется актуальным научным направлением в криминалистике.

В то же время, согласно ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации электронные носители информации, обнаруженные в ходе производства обыска, изымаются с участием специалиста. Логично распространить такой порядок и на другие случаи изъятия электронных носителей информации, например, при производстве осмотра или выемки. Следовательно, суд не обладает специальными познаниями и не является специалистами в электронных следах, следовательно, в некоторых случаях им необходима помощь не только специалиста, но и эксперта.

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, судебная компьютерно-техническая экспертиза яв-

ляется самостоятельным родом судебных экспертиз, относящихся к классу инженерно-технических экспертиз¹². Из этого следует, что компьютерно-техническая экспертиза предполагает наличие у эксперта специальных знаний в области средств компьютерной техники, информационных сетей и систем.

Повторим, что предмет криминалистики связан с использованием технико-криминалистических средств и тактическими вопросами обнаружения, фиксации, изъятия и первичным исследованием электронных документов и электронных следов. Кроме того, интерес для криминалистики представляют тактические вопросы, связанные с назначением компьютерно-технических экспертиз и их оценкой. Считаем, что вопросы производства рассматриваемых экспертиз относятся к такому направлению в научной специальности 12.00.12, как «судебно-экспертная деятельность» и в предмет криминалистики не входят.

Хотелось особо отметить, что провести четкую линию разграничения между предметами ведения криминалистики и уголовного судопроизводства в вопросах, связанных с собиранием доказательств, а также между криминалистикой и судебно-экспертной деятельностью, в вопросах назначения и производства компьютерно-технических экспертиз, автор не планировал, поскольку это невозможно в рамках одной статьи. Хотелось лишь обратить внимание ученых и практиков на некоторые проблемы, возникающие при изучении одних и тех же объектов познания, а также необходимость уточнения предмета криминалистики при проведении комплексных научных исследований.

Перечислим некоторые направления развития цифровых технологий, которые, по мнению автора, представляют интерес для криминалистики в настоящее время.

Во-первых, существуют электронные сервисы, которые предлагают различные организации, в том числе в банковской сфере. Так, с помощью электронных сервисов банков можно произвести практически любые финансовые операции: перевести денежные средства, взять кредит, осуществить обмен валют, заплатить налоги и штрафы и т.п. Специалистами банка осуществляется комплексная защита денежных средств клиентов, однако на практике становятся известны все новые способы хищения с применением компьютерных технологий, позволяющие преодолевать такие средства защиты. Новые угрозы такой преступности предполагают разработку криминалистических средств и приемов по противо-

действию преступникам, применяющим компьютерные технологии.

Электронный документооборот осуществляется между Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (далее Росреестр) нотариусами и Сберегательным банком России по регистрации сделок на недвижимое имущество. Все документы, подписанные электронной цифровой подписью участников, поступают в Росреестр по специальным каналам связи. После соответствующей проверки на подлинность документов Росреестр осуществляет регистрацию права на недвижимое имущество. В целях защиты такой информации, по согласованному с Федеральным агентством правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации (далее ФАПСИ) техническому заданию, разработано специальное средство криптографической защиты Кристо-Про CSP, которое используется для формирования ключей шифрования и ключей электронной цифровой подписи, шифрования и защиты данных, обеспечения целостности и подлинности информации. Несмотря на средства защиты такой информации, такие сделки также выступают объектами противоправных действий и нуждаются в криминалистическом обеспечении.

Все большее распространение получает и так называемая криптовалюта, которая является эквивалентом обычных денежных средств. В данном случае новый вид денег получил название биткоин (Bitcoin), капитализация которого по оценкам некоторых специалистов уже составляет более 100 трлн. долларов¹³. Регистрация и создание электронного кошелька довольно простая процедура. Для этого необходимо зайти на сайт Blockchain info, зарегистрироваться и заполнить личные данные. Система создаст кошелек биткоинов и закрепит его за пользователем. Такие виртуальные деньги давно стали реальностью. Причем до недавнего времени электронные деньги можно было приобрести, используя сервисы банков.

Уже сегодня электронный документооборот банков, электронные сделки и электронные кошельки представляют интерес для преступников: электронные деньги могут похищаться, электронные подписи подделываться, в электронные документы могут вноситься различные изменения. Очевидно, что дальнейшее развитие цифровых технологий предопределяет и необходимость изучения криминалистами, как самих электронных документов и электронных следов, так и особенностей ра-

боты по их обнаружению, фиксации, изъятию и первичному исследованию.

Разработка новых и уточнение имеющихся методик производства компьютерно-технических экспертиз представляется актуальным научным направлением в судебно-экспертной деятельности.

¹ Тематическая секция «Цифровая криминалистика».
http://www.пускрипто.рф/program/sections/s_6.html
(дата обращения: 30.10.2018).

² Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 457-477.

³ Вехов В. Б. «Электронная» криминалистика: что за этим понятием? // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: матер. межд. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Издательский дом УрГЮУ, 2017. С. 77.

⁴ Россинская Е. Р. К вопросу о частной криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Тула, 2016. Вып. 3. Ч. II. С.110.

⁵ См. напр.: Электронные носители информации в криминалистике: монография / под ред. О.С. Кучина. М.: Юрлитинформ, 2017. 304 с.; Бахтеев Д. В. Об алгоритмизации расследования и следственном мышлении // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: матер. межд. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Издательский дом УрГЮУ, 2017. С. 48-54.

⁶ Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.

⁷ IT-справочник следователя / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 232 с.

⁸ Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 31 с.

⁹ Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: монография: М.: Юрлитинформ, 2016. С. 67.

¹⁰ Вехов В. Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22-23.

¹¹ Вехов В. Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути решения: сб. науч.-практ. тр. 2016. № 1. С. 155-158.

¹² Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (официальный сайт). URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/comp.php> (дата обращения: 30.10.2018).

¹³ Биткоин: полный обзор самой популярной криптовалюты. URL: <https://howtobuycoin.com/bitcoin/bitcoin-obzor/> (дата обращения: 30.10.2018).

Список цитируемой литературы:

1. IT-справочник следователя / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 232 с.
2. Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: монография: М.: Юрлитинформ, 2016.
3. Бахтеев Д. В. Об алгоритмизации расследования и следственном мышлении // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: матер. межд. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Издательский дом УрГЮУ, 2017.
4. Вехов В. Б. «Электронная» криминалистика: что за этим понятием? // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: матер. межд. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Издательский дом УрГЮУ, 2017.
5. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008.
6. Вехов В. Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути решения: сб. науч.-практ. тр. 2016. № 1. С. 155-158.
7. Вехов В. Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22-23.
8. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 31 с.
9. Лозовский Д.Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 256-258.
10. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.
11. Россинская Е. Р. К вопросу о частной криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Тула, 2016. Вып. 3. Ч. II.
12. Электронные носители информации в криминалистике: монография / под ред. О.С. Кучина. М.: Юрлитинформ, 2017.

The list of the quoted literature:

1. IT-reference of the investigator / under the editorship of S. V. Zuev. Moscow: Yurlitinform, 2019. 232 PP.
2. Balakshin V. S. Assessment of the admissibility of evidence in the Russian criminal process: monograph: M.: Yurlitinform, 2016.
3. Bakhteev D. V. on algorithmization of investigation and investigative thinking / / Problems of modern criminalistics and the main directions of its development in the XXI century: mater. intl. science.- prakt. Conf. Yekaterinburg: publishing house of Usguu, 2017.
4. Vekhov V. B. "Electronic" criminalistics: what is behind this concept? // Problems of modern criminalistics and the main directions of its development in the XXI century: mater. intl. science.- prakt. Conf. Yekaterinburg: publishing house of Usguu, 2017.
5. Vekhov V. B. the Criminalistic doctrine about the computer information and means of its treatment: dis. ... d-RA yurid. sciences'. Volgograd, 2008.
6. Vekhov V. B. Concept, types and features capturing electronic evidence // the crime Investigation: problems and solutions: collection of scientific works.- prakt. Tr. 2016. No. 1. Pp. 155-158.
7. Vekhov V. B. Work with electronic proofs in the conditions of the changed criminal procedural legislation / / the Russian investigator. 2013. No. 10. Pp. 22-23.
8. Zazulin A. I. Legal and methodological foundations of the use of digital information in proving a criminal case: abstract. dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. Yekaterinburg, 2018. 31 p.
9. Lozovsky D. N. On the concept of the method of investigation of crimes / / Society and law. 2009. No. 5 (27). Pp. 256-258.
10. The development of information technologies in criminal proceedings: monograph / under the editorship of S. V. Zuev. Moscow: Yurlitinform, 2018. 248 PP.
11. Rossinskaya E. R. To the question of private criminalistic theory of information and computer support of criminalistic activity. Izvestiya Tulgu. Economic and legal Sciences. Tula, 2016. Vol. 3. Part II.
12. Electronic media in criminology: monograph / under the editorship of O. S. Kuchin. Moscow: Yurlitinform, 2017.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ORGANIZATIONAL BASIS FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF ILLEGAL BANKING

Лозовский Д. Н.,

профессор кафедры криминалистики и правовой информатики

Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Lozovsky D. N.,

Professor, Department of Criminalistics

and Legal Informatics, Kuban State University,

Doctor of Law, Associate Professor

Лозовская Н.Н.,

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин

Краснодарского университета МВД России,

кандидат юридических наук

Lozovskaya N. N.,

senior lecturer of special disciplines of the

Krasnodar University of MIA of Russia,

PhD in law

Ключевые слова: преступления в банковской сфере, организация расследования, взаимодействие следователя и оперативных работников, криминалистическая тактика.

Аннотация: в статье автором рассмотрены отдельные аспекты деятельности по организации расследования преступлений, совершенных в сфере незаконной банковской деятельности. Предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности данной деятельности.

Keywords: crimes in the banking sector, the organization of the investigation, the interaction of the investigator and operatives, forensic tactics.

The summary: in the article the author considers some aspects of the organization of the investigation of crimes committed in the field of illegal banking. Recommendations aimed at improving the efficiency of this activity are proposed.

Область обращения денежных и валютных ценностей, а также ценных бумаг - важный развивающийся элемент Российской экономики. В настоящее время финансовая сфера является наиболее привлекательной для осуществления преступной деятельности, способы совершения таких деяний весьма разнообразны. Под финансовыми преступлениями понимаются общественно опасные деяния, в сфере финансово-экономических отношений связанные с формированием, распределением

и использованием финансовых ресурсов государства, органов местного самоуправления и иных хозяйствующих субъектов, за которые уголовным законодательством Российской Федерации предусмотрена ответственность.

Появление новых видов преступлений в данной области, в том числе, взаимосвязанных, требует интенсификации работ по надлежащему научно-методическому обеспечению их расследования. Комплексный характер проблем, возникающих при их расследовании, за-

кономерно обуславливает необходимость разработки интегрированных методик для выявления следов таких преступлений и получения на их основе необходимых доказательств¹.

В числе прочих, к финансовым преступлениям относится незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), то есть осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Предметом данного вида преступлений являются, прежде всего, денежные средства в рублях и иностранной валюте, ценные бумаги, пластиковые карты, используемые при совершении расчетных операций физическими и юридическими лицами.

Сложность в расследовании такого вида преступлений обусловлена тем, что лица, участвующие в совершении преступлений, зачастую обладают профессиональными познаниями в области банковской деятельности, что позволяет им длительное время избегать выявления со стороны правоохранительных органов незаконных операций, в кратчайшие сроки обналичивать и получать денежные средства, а также совершать действия по сокрытию преступлений (ликвидировать юридические лица, искажать бухгалтерскую отчетность, уничтожать документы, и т.д.).

В большинстве случаев финансовые преступления совершаются организованными преступными группами, число участников в которых достигает десятков человек, и которые отличаются:

- устойчивостью, стабильностью состава и сплоченностью ее участников, основанной на единстве их мотивов и целей, заключающихся в извлечении личной материальной выгоды, устойчивостью преступных связей и слаженностью их действий.

- подчиненностью рядовых членов группы ее руководителям;

- дисциплиной всех участников с четким распределением между ними ролей и функций, предупреждением и исключением при планировании преступления

возможностей совершения непредвиденных, случайных, хаотичных, спонтанных или несогласованных действий, а равно возможностей изобличения и задержания;

- полной осведомленностью всех участников о преступном характере и общественной

опасности совершаемых действий, которым планировалось придать видимость законности;

- наличием в распоряжении соучастников материальных и технических ресурсов, используемых для осуществления преступной деятельности;

- тщательностью подготовки и планирования совершения преступления с определением своих преступных ролей и обязанностей для каждого из участников группы, согласно которым должны были осуществляться определенные действия на различных стадиях совершения преступления;

- постоянством форм, методов, навыков и способов совершения преступных деяний;

- высокой степенью конспирации при ведении преступной деятельности с целью недопущения возможности выявления и пресечения незаконных действий правоохранительными органами, а также привлечения участников к уголовной ответственности;

- сокрытием участниками организованной преступной группы своих незаконных действий и созданием видимости легальной деятельности подконтрольных им юридических лиц;

- уверенностью участников в безнаказанности их преступных действий;

- длительным периодом ведения преступной деятельности.

Целью совершения незаконных банковских операций для клиентов является:

- сокрытие от государственного контроля проводимых сделок;

- оптимизация сроков проведения расчетов по сделкам;

- уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей в бюджет;

- получению наличных денежных средств, не отраженных в официальных бухгалтерских документах хозяйствующего субъекта.

Преступники разрабатывают завуалированные схемы совершения преступлений, позволяющие им получать наличные денежные средства в кратчайшие сроки в крупных и особо крупных размерах.

Отдельным аспектом данной преступной деятельности стоит рассматривать вопрос о легализации денежных средств, полученных от незаконной банковской деятельности. Так, в частности, директор (исполнительный директор), осуществляющий незаконную банковскую деятельность, как правило, суммы полученных доходов (процент от оплаченных услуг) переводит в последующем с принадлежащих ООО счетов на подконтрольные ему

счета либо осуществляет финансовые операции в свою пользу (приобретает имущество, осуществляет отдых и т.д.)².

Одной из разновидностей незаконной банковской деятельности, в последнее время, является совершение указанных преступлений с привлечением профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Преступники активно осваивают фондовый рынок, и существенную помощь в этом оказывают связанные с ними руководители банковских структур. По мере развития рынка ценных бумаг изменятся и характер совершаемых преступлений. Наиболее часто встречаются противоправное завладение ценными бумагами, принадлежащими другим организациям и их реализация, изготовление поддельных ценных бумаг и их использование, выпуск в обращение ценных бумаг, не обеспеченных реальными материальными ценностями, а также преступления, связанные с деятельностью профессионалов рынка ценных бумаг.

Так, по одному из изученных уголовных дел, суть противоправной схемы при совершении преступления состояла в том, что в качестве основания для перечисления денежных средств использовались сделки купли-продажи ценных бумаг. Для незаконного обналичивания денежных средств ценные бумаги перемещались на счета депо (особый вид банковского продукта, предназначенный для проведения операций исключительно с ценными бумагами) физических лиц, задействованных в противоправной схеме. В дальнейшем, денежные средства снимались физическими лицами с банковских счетов в расчетно-кассовых центрах банков. А при возникновении подозрений со стороны сотрудников банков к снятию крупных сумм наличных денежных средств, ими предоставлялись подложные договоры купли-продажи ценных бумаг. Полученные таким образом наличные денежные средства в дальнейшем передавались клиентам нелегального банка.

Исключительность данного уголовного дела обусловлена созданием сложной схемы преступления, его совершением организованной группой, наличием у её руководителя опыта и знаний в сфере рынка ценных бумаг, планированием и тщательным сокрытием результатов преступной деятельности.

Эффективное взаимодействие следователей и сотрудников оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования уголовного дела позволило незамедлительно определить организатора и исполнителя пре-

ступления, иных участников организованной группы.

Существенную роль в доказывании преступной деятельности сыграло, в том числе, своевременное установление адреса электронной почты организатора преступления и получение возможности доступа к переписке между членами преступной группы, что в дальнейшем позволило установить систематическое поступление в организации, являющиеся профессиональными участниками рынка ценных бумаг, поручений на перевод ценных бумаг от привлеченных физических и юридических лиц.

Изъятые в ходе проведенных обысков у профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также в депозитариях документы позволили установить сотрудников этих организаций, ответственных за сделки с ценными бумагами, проанализировать их деятельность на рынке ценных бумаг и выявить совершение множественных операций с ценными бумагами физическими и юридическими лицами, привлеченными М. для этих целей, в короткие промежутки времени.

Допросы сотрудников организаций, являющихся профессиональными участниками рынка ценных бумаг, а также фиктивных руководителей организаций и лиц, на чье имя были открыты брокерские счета, от имени которых совершались сделки с ценными бумагами, позволили установить других участников организованной группы.

Таким образом, правильная организация всего процесса расследования, своевременное назначение судебных экспертиз, эффективное взаимодействие с оперативными подразделениями МВД России, постоянный взаимный обмен информацией между следователями и оперативными сотрудниками, способствовало полному и всестороннему исследованию обстоятельств уголовного дела, доказыванию вины каждого из участников преступления

¹ Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Цепные реакции финансовых преступлений и безопасность бизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 216-221.

² Рудов Д.Н. К вопросу о расследовании незаконной банковской деятельности (по материалам расследования незаконной деятельности пунктов приема платежей) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 46-49.

Список цитируемой литературы:

1. Волинский А.Ф., Прорвич В.А. Цепные реакции финансовых преступлений и безопасность бизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 216
2. Маркосян Г.А. Методологические проблемы экономической безопасности в условиях глобализации // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2014. № 2 (19). С. 26
3. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания диалектические и формально -логические основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) // автореферат дис. ... доктора юридических наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2011.
4. Рудов Д.Н. К вопросу о расследовании незаконной банковской деятельности (по материалам расследования незаконной деятельности пунктов приема платежей) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 46

The list of the quoted literature:

1. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Chain reactions of financial crimes and business security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. No. 5. Pp. 216
2. Markosyan G. A. Methodological problems of economic security in the conditions of globalization // Legal Bulletin of Kuban state University. 2014. No. 2 (19). Pp. 26
3. Rudenko A.V. Substantial logic of proof dialectical and formal-logical bases (criminal procedure and criminalistic research) // abstract of dis. ... doctor of law / Kuban. state University-T. Krasnodar, 2011
4. Rudov D. N. On the investigation of illegal banking activities (based on the investigation of illegal activities of payment acceptance points) // Problems of law enforcement. 2017. No. 3. Pp. 46

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРТИЗЫ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ УНИЧТОЖЕННЫХ МАРКИРОВОЧНЫХ
ОБОЗНАЧЕНИЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА
АВТОМОБИЛЯ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
USE OF RESULTS OF EXPERT RESTORATION
OF THE DESTROYED MARKING DESIGNATIONS
OF IDENTIFICATION NUMBER OF THE
CAR IN LEGAL PROCEEDINGS**

Верстов В. В.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры криминалистики и правовой информатики,

Кубанского государственного университета,

Verstov V. V.,

PhD in law,

associate Professor of criminalistics

and legal Informatics of Kuban state University

Верстова М. В.,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры социальной работы психологии

и педагогики высшего образования

Кубанского государственного университета

*Verstova M. V.,
PhD in psychology,*

*associate Professor of social work psychology
and pedagogy of higher education
of Kuban state University,*

Ключевые слова: судебная экспертиза, идентификационный номер (VIN).

Аннотация: в статье рассматриваются особенности экспертизы восстановления уничтоженных маркировочных обозначений идентификационного номера автомобиля и использования результатов экспертного заключения в судопроизводстве.

Keywords: forensic examination, identification number (VIN).

The summary: the article discusses the features of the examination of the restoration of destroyed markings of the identification number of the car and the use of the results of the expert opinion in the proceedings.

Судебная экспертиза является одним из наиболее надежных средств доказывания в гражданском, уголовном, административном и арбитражном процессах. Существует множество разнообразных экспертиз, которые условно можно разделить на две группы: судебные и внесудебные.

К экспертным исследованиям в судопроизводстве прибегают в тех случаях, когда есть необходимость в специальных познаниях, без которых невозможно установить обстоятельства по делу и подтвердить или опровергнуть наличие или отсутствие искомого факта. Судьи назначают экспертизы, чтобы подтвердить и обосновать свои выводы, сформировать внутреннее убеждение.

Вторая группа экспертиз назначается и проводится вне рамок процессуальной формы, но заключение эксперта также может иметь доказательственное значение в судопроизводстве. Так, например, по гражданскому делу об обязанности МРЭО ГИБДД ГУ МВД России по Краснодарскому краю предоставить обоснование в отказе в предоставлении государственной услуги по совершению регистрационного действия, связанного с изменением собственника транспортного средства, судья принял и исследовал в качестве письменного доказательства заключение эксперта, выполненного до возбуждения гражданского дела.

В тех случаях, когда необходимо установить номера изделий, факт уничтожения или изменения маркировки и способа этого изменения, назначается и проводится судебная экспертиза восстановления уничтоженных маркировочных обозначений.

Объектами судебной экспертизы восстановления уничтоженных маркировочных обозначений являются изделия, изготовленные

заводским способом из металлов и сплавов, синтетических материалов, пластмасс, твердой древесины. К числу наиболее часто встречающихся объектов относятся огнестрельное оружие, автомобили, музыкальные инструменты, часы, телевизоры, аудио- и видеотехника, другие дорогостоящие приборы, ювелирные изделия.

Подобные экспертные исследования проводятся в тех случаях, когда существует вероятность скрытия, подделки, изменения, уничтожения идентификационных номеров (VIN)¹ автомобиля.

Наибольшее распространение экспертиза получила для решения задачи по установлению факта кустарного изменения номеров и выявления их первоначального содержания на деталях автомобиля.

С этой целью на разрешение экспертизы могут ставиться следующие вопросы².

1. Подвергались ли изменению маркировочные обозначения на данном изделии (оружии, кузове или двигателе автомобиля, и проч.)?

2. Каково было первоначальное содержание маркировочных обозначений на данном изделии?

3. Каким способом были уничтожены или изменены маркировочные обозначения на данном изделии?

4. Не использовались ли для изготовления или изменения маркировочных обозначений данные инструменты и материалы?

Из материалов гражданского дела³: В районный суд города Краснодара обратился гражданин К. с иском к гражданину М., МРЭО ГИБДД ГУ МВД России по Краснодарскому краю о понуждении предоставить обоснование

в отказе в предоставлении государственной услуги по совершению регистрационного действия, связанного с изменением собственника транспортного средства, расторжении договора купли-продажи автомобиля, заключенного между К. и М., взыскании с М. денежных средств, уплаченных по договору купли-продажи автомобиля и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Свою позицию в суде К. мотивировал следующим образом, между истцом и ответчиком был заключен договор купли-продажи автомобиля. Исполнив свои обязательства по договору, К. передал оговоренную денежную сумму М. Затем К. обратился в МРЭО ГИБДД ГУ МВД России по Краснодарскому краю с заявлением о совершении регистрационного действия, связанного с изменением собственника спорного транспортного средства. В оказании искомой государственной услуги истцу было отказано, по тем основаниям, что имеет место изменение номерного обозначения идентификационного номера автомобиля кустарным способом, удаление первичного маркировочного обозначения идентификационного номера».

Согласно пункта 24 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним от 07.08.2013 г. № 605, государственная услуга не предоставляется по следующим основаниям:

обнаружены признаки скрытия, подделки, изменения, уничтожения идентификационных номеров транспортных средств, номеров узлов и агрегатов (кузова, рамы, кабины, двигателя) идентифицирующих транспортное средство, либо подделки представленных документов, несоответствия транспортных средств и номерных агрегатов сведениям, указанным в представленных документах, или регистрационным данным, а также при наличии сведений о нахождении транспортных средств, номерных агрегатов в розыске или представленных документов в числе утраченных (похищенных), за исключением транспортных средств с измененной маркировкой транспортных средств и номерных агрегатов в результате естественного износа, коррозии, ремонта или возвращенных собственникам или владельцам после хищения, при условии их идентификации⁴.

При наличии признаков подделки идентификационных номеров (VIN), номера кузова, двигателя и т.п., закон обязывает сотрудников ГИБДД применять такие меры, как задержание

автомобиля, направление его на экспертизу и приостановление оказания государственной услуги.

Материал по факту уничтожения идентификационного номера транспортного средства был зарегистрирован в КУСП, вынесено постановление о назначении судебной экспертизы.

Проведение экспертизы было поручено федеральному бюджетному учреждению «Краснодарская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации», куда и поступило соответствующее постановление.

На разрешение эксперта были поставлены следующие вопросы:

1. Подвергался ли изменению идентификационный номер (VIN) JHMFD*****S***** представленного автомобиля? Если да, то каково первичное маркировочное обозначение?

2. Подвергалась ли демонтажу маркируемая панель с идентификационным номером (VIN) JHMFD*****S***** представленного автомобиля?

3. Подвергалась ли изменению заводская табличка с идентификационным номером (VIN) JHMFD*****S***** представленного автомобиля?

Из материалов гражданского дела: «Осмотр автомобиля осуществлялся при естественном и искусственном освещении. Экспертиза производилась с использованием лупы с 7-кратным увеличением, линейки с ценой деления 1,0 мм, цифровой фотокамеры «Sony DSCHX 50».

По итогам осмотра и исследования представленного автомобиля, эксперт пришел к следующим выводам:

- идентификационный номер (VIN) «JHMFD*****S*****», расположенный на площадке надставки щитка передка автомобиля, выполнен в соответствии с технологией, принятой на заводе-изготовителе, является для данного автомобиля вторичным;

- на маркируемой панели автомобиля, расположенной на площадке надставки щитка передка автомобиля, удалена металлическая пластина с первичным маркировочным обозначением идентификационного номера (VIN), а на его место в кустарных условиях установлена металлическая пластина аналогичных размеров с выполненным в заводских условиях маркировочным обозначением идентификационного номера (VIN): «JHMFD*****S*****», которое для данного автомобиля является вторичным;

- установить первоначальной содержание маркировочного обозначения идентификационного номера (VIN) не представилось возможным в связи с отсутствием объекта исследования (металлической пластины с первичным маркировочным обозначением идентификационного номера (VIN);

- металлическая табличка с идентификационным номером (VIN) «JHMF D*****S*****», расположенная на левой передней стойке кузова автомобиля установлена в заводских условиях, закреплена на кузове автомобиля в кустарных условиях».

Таким образом, эксперт четко указал на имеющиеся в исследуемом автомобиле следы удаления первичной заводской маркировки идентификационного номера (VIN) и кустарно установленной аналогичной металлической пластины со вторичной маркировкой идентификационного номера (VIN) «JHMF D*****S*****», выполненных с помощью сварного шва. Первичная заводская маркировочная пластина с идентификационным номером (VIN) – утеряна.

Данную экспертизу можно отнести к числу криминалистических, так как она решает идентификационные, диагностические и иные задачи.

Решение идентификационной задачи направлено на отождествление объекта по следам. В данном экспертном заключении был сделан однозначный вывод об удалении первичной заводской маркировочной пластины путем вырезания и последующего вваривания вторичной пластины.

Однако решить все идентификационные задачи не всегда возможно, например, по при-

чине отсутствия идентифицирующего объекта. Так, например, экспертизой не было установлено кем и когда были выполнены указанные действия по замене заводской маркировочной пластины идентификационного номера (VIN) автомобиля.

По итогам рассмотрения гражданского дела, судья удовлетворил исковое заявление частично, а именно договор купли-продажи был расторгнут, денежные средства в полном объеме возвращены покупателю. Действия сотрудников МРЭО ГИБДД ГУ МВД России по Краснодарскому краю об отказе в совершении регистрационного действия, связанного с изменением собственника спорного транспортного средства, признаны законными.

¹ Идентификационный номер – (англ. Vehicle identification number, VIN) — уникальный код транспортного средства, состоящий из 17 знаков.

² Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. С. 347

³ Архив Советского районного суда города Краснодара, гражданское дело № 2-7928/2016.

⁴ Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним (Зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2013 N 30048) Приказ МВД России от 07.08.2013 N 605 (ред. от 26.06.2018) // Российская газета. 2013. 04 октября. № 223.

Список цитируемой литературы:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд. доп. М., 2001.
2. Гражданское дело № 2-7928/2016 // Архив Советского районного суда города Краснодара.
3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., доп. М., 2018.
4. Российская газета. 2013. 04 октября. № 223.
5. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2019.

The list of the quoted literature:

1. Belkin R. S. course of criminology. 3rd ed. additional. M., 2001.
2. Civil case № 2-7928/2016 // Archive of the Soviet court of Krasnodar.
3. Rossinskaya E. R. Forensic expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. 4th ed., additional. M., 2018.
4. Rossiiskaya gazeta. 2013. October 04. № 223.
5. Forensic expertise: common mistakes / under the editorship of E. R. Rossinskaya. M., 2019.

**ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
«ПРОВЕРКА ДЕТАЛИЗАЦИИ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ»
TACTICAL OPERATION
“VERIFICATION OF DETAIL OF TELEPHONE CONVERSATIONS”**

Завьялов В.А.,

*Старший преподаватель кафедры криминалистики и
правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Zavyalov V.A.,

*Senior Lecturer, Department of Forensics and
Law Informatics Faculty of Law named after A.A. Khmyrova
Kuban State University*

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактические комплексы, тактическая операция, получение информации о соединении абонентов и (или) абонентских устройств, «цифровое» алиби.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается возможность применения такого следственного действия, как получение информации о соединении абонентов и (или) абонентских устройств, в совокупности с другими следственными действиями, оперативно-розыскными мероприятиями для решения тактических задач расследования.

Keywords: forensic tactics, tactical systems, tactical operation, obtaining information about the connection of subscribers and (or) subscriber devices, digital alibi.

The summary: this article discusses the possibility of applying such an investigative action as obtaining information about the connection of subscribers and (or) subscriber devices, in conjunction with other investigative actions, operational-search measures to solve the tactical tasks of the investigation.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеются два следственных действия, производство которых осуществляется при помощи технических средств – контроль и запись телефонных переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Следственное действие, предусмотренное ст. 186.1 УПК РФ введено в уголовно-процессуальный закон Федеральным законом от 01.07.2010 N 143-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации"¹, является новым для системы следственных действий, имеющих в УПК России, его исследованию с точки зрения криминалистической тактики посвящено небольшое количество работ.

Как указывает в своем диссертационном исследовании А.А. Цыкора: «Его (получение информации о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств – прим. автора) высокий тактико-криминалистический потенциал актуализирует возможность разностороннего использования в целом ряде сфер, связанных с доказыванием:

- факта присутствия подозреваемых, обвиняемых в определенном месте, а равно маршрут их перемещения, имеющие значение для дела;
- наличия соучастников, характера их взаимоотношений;
- попыток сокрытия преступления, осуществления противодействия расследованию;
- многоэпизодного, серийного характера совершения преступлений»².

Указанный потенциал А.А. Цыкора реализует через призму единичного следственного действия, устоявшееся понятие которого, сводится к действию, предусмотренному уголовно-процессуальным законом, направленному на собирание, исследование, фиксацию и оценку доказательств.³ Однако, вышеприведенный автор, рассматривая тактический потенциал следственного действия, фактически говорит о тактических задачах, которые невозможно решить одним следственным действием, а лишь в рамках тактических операций. О повышенной эффективности которой, в рассматриваемом аспекте, писал Л.Я. Драпкин: «Включение следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, придает логическую законченность многим тактическим операциям, производимым по различным категориям уголовных дел, и существенно повышает их результативность»⁴.

С развитием технического прогресса, информатизации общества, в практике расследования преступлений появилось новое явление, которое возможно именовать «цифровым алиби». По мнению, О.Я. Баева, оно заключается в сообщении лицом информации о том, что он в момент совершения преступления работал на персональном компьютере или говорил по сотовому телефону. Проверка такого рода алиби имеет свои особенности, в частности, необходимо произвести осмотр места нахождения компьютера или истребовать данные о переговорах. Основной задачей при проверки указанного алиби является установление, кто конкретно пользовался компьютером или телефоном.⁵

В современной криминалистической науке сформировалось учение о тактических операциях. Данное тактико-криминалистическое средство целесообразно рассматривать с позиции его комплексности, что поднимает эффективность расследования, в особенности уголовных дел, по которым сформировалась конфликтная следственная ситуация, участниками которых выдвигается, так называемое, «цифровое» алиби, многоэпизодным уголовным делам, делам о групповых преступлениях.

По нашему мнению под тактической операцией следует понимать, упорядоченную совокупность следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных, как процессуальных, так и не процессуальных действий, соответствующих процессуальным решений, проводимых по единому плану под единоличным руководством уполномоченного

должностного лица, обусловленная сложившейся следственной ситуацией, для решения тактических задач предварительного расследования, когда иными средствами не возможно решить такую задачу.

Как показало наше исследование указанное следственное действие широко представлены в практике расследования уголовных дел, и с применением его возможно производство тактических операций.

Рассмотрим более подробно одну из тактических операция, с использованием следственного действия - получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами - «Проверка детализации телефонных переговоров».

Указанная тактическая операция направлена на разрешение следующих тактических задач: установление и проверка связей свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), проверка «цифрового» алиби.

Содержание этапов тактической операции заключается в следующем.

Подготовительный этап операции характеризуется достоверным установлением абонентского номера лица. Данное возможно сделать путем изучения материалов уголовного дела, в том числе протоколов допроса иных участников, выяснение номера телефона при допросе интересующего лица, истребование у операторов связи сведений о зарегистрированных абонентских номерах на конкретное лицо. Более рационально, если следователь при допросах участников будет заранее выяснять используемые абонентские номера интересующих следствие лиц.

На подготовительном этапе также необходимо определиться с периодом времени, за который необходимо истребовать сведения о соединениях абонента. Временной интервал можно определить, исходя из времени совершения преступления, времени совершения каких-либо иных действия или бездействия, или наступления события, на которые указывают допрошенные лица, и их показания в этой части требуют проверки с использованием данных о соединениях абонентов.

После чего следователь выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении сведений о соединениях абонента, также данных о базовых станциях, и данных о лицах, на которых зарегистрированы абонентские номера, соединения с которыми отображены в представленной детализации телефонных переговоров, и предоставляет в суд для рассмотрения.

В случае удовлетворения данного ходатайства, постановление суда направляется оператору сотовой связи.

При поступлении истребуемых данных, необходимо произвести их осмотр. В ходе осмотра подлежат анализу и сопоставлению с материалами дела данные о времени звонков, их продолжительности, лицах владеющих данными абонентскими номерами, а также базовая станция выхода в эфир, как правило место расположение указывается в детализации.

В дальнейшем целесообразно произвести допрос специалиста, как правило сотрудника оператора связи, с тем, чтобы установить направление от базовой станции, находясь на котором лицо осуществляло звонок, также нужно выяснить площадь покрытия территории базовой станцией. В детализации имеется указание на это направление в виде азимута, который и должен установить допрашиваемый специалист. По нашему мнению, для большей наглядности возможно использовать карту местности, на которой специалист делает отметку о нахождении интересующей нас базовой станции и направлении, определенном по азимуту.

Установление данного позволить определить могло ли интересующее нас лицо находиться в том месте, где указывает.

Также в завершении рабочего этапа тактической операции, возможно провести допрос интересующего нас лица, используя полученные документы для демонстрации, с тем, чтобы он пояснил, по каким причинам его показания не соответствуют более объективным данным, полученным от оператора сотовой связи.

Эффективность применения данной тактической операции можно проследить на следующем примере из практики.

Уголовное дело возбуждено в отношении А. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, по факту применения насилия к представителю власти - сотруднику ППС территориального органа внутренних дел. В ходе следствия А. отрицал применение насилия к сотрудникам органов внутренних дел. Его показания подтверждали супруги М., которые в своих показаниях указывали на то, что сидя на остановке общественного транспорта они наблюдали, как подъехал служебный милицкий автомобиль, из него вышли сотрудники милиции. После чего, А. в сопровождении сотрудников милиции вышел из домовладения, где он проживал, и сел в милицкий служебный автомобиль. Супруги А. также отрицали применение насилия к сотрудникам милиции. При проверке их показаний,

на основе анализа детализации их телефонных переговоров установлено, что в исследуемый период времени, супруги А., находясь на остановке, как следовало из их показаний, два раза созванивались друг с другом и общались 1 минуту, и 2 минуты 30 секунд, соответственно. Более того, оба абонентских устройства выходили в эфир из зоны базовой станции, находящиеся на противоположной стороне населенного пункта.

Далее при допросах указанных свидетелей, им продемонстрированы результаты исследования данных об их соединениях, поставлены следователем вопросы о том, как они могут объяснить имеющиеся противоречия. В результате чего, свидетели отказались от ранее данных показаний, указали на то, что они являются ложными, на самом деле, супруга М. находилась дома, а ее супруг вечером находился в близлежащем к их дому баре.⁶

¹ Федеральный закон от 01.07.2010 N 143-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации"// "Собрание законодательства РФ", 05.07.2010, N 27, ст. 3427.

² Цыкора А.А. Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013. С. 93.

³ Мы не ставим задачу в настоящей работе проанализировать определения следственного действия, имеющиеся в криминалистической и процессуальной науке. Подробнее о данном: Киян Ю.В. Следственные действия: понятие и система//Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (23). С. 158-164; Шхагапсоев З.Л. Понятие, виды и признаки следственных действий// Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 186-190; Сватиков Р.В. Понятие и признаки следственного действия//Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 124-126.

⁴ Драпкин Л.Я. Уголовно-процессуальные новеллы и эффективность раскрытия преступлений// Журнал российского права. N 6, ноябрь-декабрь 2017 г. С. 145.

⁵ Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). Научно-практическое издание. – М., 2017. С. 385-402.

⁶ Уголовное дело 1-345/2010// Архив Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края.

Список цитируемой литературы:

1. Цыкора А.А. Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
2. Киян Ю.В. Следственные действия: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (23).
3. Шхагапсоев З.Л. Понятие, виды и признаки следственных действий // Общество и право. 2013. № 3 (45).
4. Сватиков Р.В. Понятие и признаки следственного действия // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38).
5. Драпкин Л.Я. Уголовно-процессуальные новеллы и эффективность раскрытия преступлений // Журнал российского права. № 6, ноябрь-декабрь 2017 г.
6. Уголовное дело 1-345/2010 // Архив Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края

The list of the quoted literature:

1. Tsykora A.A. Tactical and criminalistic features of the production of investigative actions related to obtaining and researching information transmitted through technical communication channels: dis. ... cand. legal sci. Rostov-on-Don, 2013.
2. Kiyan Yu.V. Investigative actions: concept and system // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. No. 3 (23).
3. Shkhagapsoev Z. L. The concept, types and signs of investigative actions // Society and law. 2013. No. 3 (45).
4. Svatikov R.V. The concept and signs of investigative action // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2 (38).
5. Drapkin L.Ya. Criminal procedural novelties and the effectiveness of crime detection // Journal of Russian Law. No. 6, November-December 2017
6. Criminal proceedings 1-345 / 2010 // Archive of the Ust-Labinsky District Court of the Krasnodar Territory

**СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СОЗДАНИЕМ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ ПРОГРАММ,
ПОСЛЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ**

**AFTER INDICTMENT, IN CONNECTION
WITH THE CREATION AND DISTRIBUTION OF MALWARE,
AFTER INDICTMENT**

Маркосян Г.А.,

Кандидат экономических наук,

доцент кафедры криминалистики и правовой информатики

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Markosian G.A.,

PhD in Economic, associate Professor,

associate Professor Department of Criminalistics

and Legal Informatics, Kuban State University

Ключевые слова: компьютерные преступления, вирусы, вредоносные программы.

Аннотация: В статье рассмотрены следственные действия при расследовании преступлений связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ.

Keywords: computer crimes, viruses, malware.

The summary: The article discusses investigative actions in the investigation of crimes related to the creation, use and distribution of computer malware.

Последующий этап расследования преступления, связанного с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ характеризуется разрешением проблемных ситуаций, сложившихся на первоначальных этапах. На этой стадии расследования следователю известны данные о событии, способе совершения преступления, а также лице либо лицах, его совершивших.

Сведения, наличествующие у следователя, характеризуются не только большим количеством, но и высоким доказательственным качеством. Они логически структурированы, конкретны и надежны.

Появление обвиняемого на данном этапе расследования требует большего внимания к своей фигуре. В силу особенностей, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ, значительный интерес, а также малую разработанность в доктрине криминалистической науки, представляют такие следственные действия, как очная ставка и компьютерно-техническая экспертиза.

Очная ставка – следственное действие, которое «заключается в одновременном допросе двух ранее опрошенных лиц (название происходит от старорусского «очи на очи»), в показаниях которых по поводу одних и тех же обстоятельств имеются существ. противоречия»¹.

В зависимости от количества обвиняемых (подозреваемых), очная ставка может проводиться между: лицами, обвиняемыми (подозреваемыми) в преступлении, связанном с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ; обвиняемым и свидетелями.

Очная ставка является специфической разновидностью допроса, предоставляющей следователю широкий круг возможных тактических способов установления истины по делу, однако сущность очной сделки предполагает возможность дополнительного психологического воздействия на добросовестного свидетеля, который, на первый взгляд, дает ложные показания.

Центральным тактическим приемом при производстве данного следственного действия, является предъявление доказательств. Данное

положение являются одной из разновидностей отличительных черт очной ставки от допроса, поскольку при производстве последнего вопрос о предъявлении доказательств решается следователем в зависимости от его усмотрения, в то время как следственная практика практически во всех случаях подчеркивает необходимость предъявления доказательств на очной ставке².

Например, при участии в производстве рассматриваемого следственного действия единственного свидетеля, чьи показания частично подтверждаются доказательствами, и обвиняемого, можно предположить, что у последнего будет установка на дачу ложных показаний. Таким образом, не предъявление или же предъявление в разрозненном виде доказательств такому лицу заведомо неэффективно. Следователь должен предъявить доказательство по каждому обстоятельству, изложенному правдивым участником очной ставки.

В таких случаях рекомендуется заранее подготовить благоприятную обстановку для очной ставки, установить психологический контакт с участниками следственного действия, а также предусмотреть, какие именно будут предоставляться доказательства и в какой последовательности.

Допрос участников очной ставки начинается с постановки коротких и конкретных вопросов по обстоятельствам, установление которых необходимо для достижения истины по делу. При использовании данного тактического приема, недобросовестному участнику сложнее изменять отдельные нюансы своих показаний.

Грамотное построение вопросов создает такую ситуацию, при которой лицо, дающее ложные показания, выявляет самого себя. Это связано с тем, что правильное построение вопросов обусловлено их логической связью. Таким образом, недобросовестный участник очной ставки затрудняется придумывать ложные показания, поскольку связан достоверными, озвученными им ранее.

Далее следует рассмотреть один из наиболее эффективных тактических приемов в деятельности следователя, который применяется для устранения противоречий в показаниях соучастников, а именно – обострение противो-

речий. Тактический прием реализуется таким образом, чтобы сперва обозначить менее существенные спорные обстоятельства, акцентируя противоречия между ними, а после наращивать и обострять их.

Этот прием наиболее эффективен в случаях, когда одно лицо отрицает свою связь со вторым в силу его недобросовестности. Таким образом, при производстве такого следственного действия, как очная ставка, лицо, услышав информацию, явно подчеркивающую его единоличное участие в совершении преступления, может «выдать» своего подельника и сообщить следователю о совершенном преступлении³.

Также при производстве следственного действия, направленного на установление показаний, отражающих истину относительно произошедшего события, следует тщательно проверять все полученные данные, дабы не принять такое явление, как добросовестное заблуждение, за ложные показания.

Чаще всего добросовестное заблуждение во время очной ставки вызвано забыванием отдельных обстоятельств, а также их ошибочной интерпретацией. Для устранения такого явления могут применяться различные тактические приемы, в том числе и предъявление доказательств, способных вызвать у заблуждающегося лица ассоциации с достоверным событием.

Кроме того, участникам очной ставки предоставляется право свободного обсуждения рассматриваемых обстоятельств, возможность задавать друг другу вопросы.

Добросовестное заблуждение – нередко явление, однако в большинстве случаев разрешается еще на стадии допроса, путем воспроизведения фонограмм и другой информации с технических устройств, использованных следователем во время получения первичных показаний свидетеля или обвиняемого. Оно возникает на стадии очной ставки только в случаях, когда следователь понимает, что предъявление доказательств может не вызвать ассоциации с событием, в силу чего их предоставление эффективнее в купе с воспроизведением показаний второго участника следственного действия⁴.

Таким образом, эффективность очных ставок, направленных на преодоление добросовестного заблуждения, не вызывает сомнений. Поскольку, как нами было рассмотрено ранее, разрешение ситуации происходит путем предъявления доказательств, следует отметить, что участникам предоставляются не все доказательства, а только те, что непосред-

ственно связаны с событиями, обсуждаемыми на очной ставке. Зачастую это вещественные доказательства и документы. Предъявление доказательств в таком случае носит цель не просто активизации ассоциативных воспоминаний относительно конкретного документа или вещи, а предполагает возможность восстановления участником всей картины события в рамках определенного временного периода⁵.

Следующим следственным действием, широко применяющимся на данном этапе расследования и заслуживающим отдельного внимания, является назначение экспертиз.

При расследовании преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ, следователем могут быть назначены как традиционные трасологические (направленные, например, на обнаружение и фиксацию следов пальцев рук на клавиатуре), почерковедческие экспертизы (необходимые для идентификации лица по записям, использовавшимся при подготовке преступления, связанного с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ), так и специфические⁶.

Основным и наиболее действенным видом экспертизы при расследовании преступления, связанного с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ, является компьютерно-техническая экспертиза. Она подразделяется на несколько элементов в зависимости от конкретного объекта исследования на: аппаратно-техническую экспертизу; программно-компьютерную экспертизу; информационно-компьютерную экспертизу; компьютерно-сетевую экспертизу⁷.

Аппаратно-техническая экспертиза предназначена для изучения компонентов вычислительной техники: определение их вида, типа, модели, года изготовления, срока использования, мощности и иных технических показателей, связанных с их функционированием. Также в результате аппаратно-технической экспертизы можно установить факт модификации отдельных элементов ЭВМ, способ этой модификации, а также ее влияние на работоспособность исследуемой компьютерной техники. Данный вид экспертиз необходим при исследовании вычислительной техники не только преступника, но и потерпевшего.

Программно-техническая экспертиза исследует программное обеспечение, установленное на персональном компьютере, с целью определения: наименования программного обеспечения, прикладной направленности, ти-

па, вида, версии, факта и способа модификации, происхождения, компонентов, реквизитов разработчика, наличия или отсутствия лицензий, срока использования, даты создания, объема, время установки и последнего время использования. Кроме того, в случаях, когда программа изменялась или модифицировалась, необходимо установить время изменения, цель, состав изменения, измененные свойства, а также способы применения программы до и после ее изменения⁸.

В свою очередь информационно-компьютерная экспертиза исследует пользовательские данные и информацию, оставленную программами. Она является одной из наиболее популярных видов проводимых экспертиз при расследовании преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ, уступая лишь программно-технической.

Рассматриваемая экспертиза поможет определить такие немаловажные обстоятельства, как: специфические логические и физические характеристики размещения информации на внутренних накопителях; анализ данных на исследуемом носителе – размер файлов, объем, имена, типы, виды, даты создания и внесения изменений и так далее; выявление средств защиты, а также установление содержания защищенной информации; данные о пользователе вычислительной техники, содержащиеся в себе сведения, необходимые для разрешения расследуемого дела.

Последней разновидностью компьютерно – технической экспертизы является компьютерно – сетевая экспертиза. Ее сущность заключается в установлении характеристики и свойств информации, передаваемой с помощью различных видов сетей (как локальной, так и глобальной) между различными ЭВМ.

Она проводится для решения таких задач, как: определение технических характеристик и свойств компьютера и программного обеспечения; установление архитектуры, а также свойств и характеристик сетевого ресурса; разблокировка доступа к закрытым данным; установление первоначального состояния сети, а также его свойств в ходе воздействия пользователем; анализ общего состояния сети, используемой преступником для распространения вредоносных программ. Поскольку преступление, связанное с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ, практически всегда связано с использованием вычислительных сетей, целе-

сообразность назначения данной экспертизы не вызывает сомнений⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что последующий этап расследования характеризуется большей информационной и доказательственной определенностью для следователя, однако все еще является затруднительным. Это, в первую очередь, связано с тем, что как и проведение очной ставки, так и назначение экспертизы, предполагает наличие у следователя специальных познаний в области информационных технологий и компьютерных средств. В случаях, когда следователь не обладает такими знаниями, расследование либо заходит в тупик, либо неоправданно растягивается в силу того, что должностное лицо назначает, например, лишние экспертизы или же наоборот – не ходатайствует о проведении необходимых.

¹ Цит. по: Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. -Москва: Большая Российская энциклопедия, 2016. С. 111.

² Соловьёв К.А. Тактические приемы проведения очной ставки // Концепт. 2014. №29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-priemy-provedeniya-ochnoy-stavki> (дата обращения: 14.04.2019).

³ Еникеев, М.И. Следственные действия: психология, тактика, технология. - Москва: Проспект, 2011. С. 216.

⁴ Гринев В.А., Зельмуханова И.М. Дополнительные средства фиксации хода и результатов очной ставки // Символ науки. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnye-sredstva-fiksatsii-hoda-i-rezultatov-ochnoy-stavki> (дата обращения: 14.04.2019).

⁵ Табакова Л.А. Психологические аспекты очной ставки // БИТ. 2018. №1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-ochnoy-stavki> (дата обращения: 14.04.2019).

⁶ Дёмин К.Е. О проблемах судебной компьютерно-технической экспертизы и путях их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-sudebnoy-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy-i-putyah-ih-resheniya> (дата обращения: 14.04.2019).

⁷ Ищенко Е.П. Криминалистика. - 2-е изд., испр., доп и перераб. — Москва: Контракт, ИНФРА-М, 2010. С. 784.

⁸ Шелупанов А.А., Смолина А.Р. Методика проведения подготовительной стадии исследования при производстве компьютерно-технической экспертизы // Доклады ТУСУР. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-provedeniya-podgotovitelnoy-stadii-issledovaniya-pri-proizvodstve>

kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy (дата обращения: 14.04.2019).

⁹Дёмин К.Е. Указ. раб.

Список цитируемой литературы:

1. Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. -Москва: Большая Российская энциклопедия, 2016.
2. Гринев В.А., Зельмуханова И.М. Дополнительные средства фиксации хода и результатов очной ставки // Символ науки. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnye-sredstva-fiksatsii-hoda-i-rezultatov-ochnoy-stavki> (дата обращения: 14.04.2019).
3. Дёмин К.Е. О проблемах судебной компьютерно-технической экспертизы и путях их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-sudebnoy-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy-i-putyah-ih-resheniya> (дата обращения: 14.04.2019).
4. Еникеев, М.И. Следственные действия: психология, тактика, технология. - Москва: Проспект, 2011.
5. Ищенко Е.П. Криминалистика. - 2-е изд., испр., доп и перераб. — Москва: Контракт, ИНФРА-М, 2010
6. Лозовский Д.Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 256-258.
7. Соловьёв К.А. Тактические приемы проведения очной ставки // Концепт. 2014. №S29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-priemy-provedeniya-ochnoy-stavki> (дата обращения: 14.04.2019).
8. Табакова Л.А. Психологические аспекты очной ставки // БИТ. 2018. №1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-ochnoy-stavki> (дата обращения: 14.04.2019).
9. Шелупанов А.А., Смолина А.Р. Методика проведения подготовительной стадии исследования при производстве компьютерно-технической экспертизы // Доклады ТУСУР. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-provedeniya-podgotovitelnoy-stadii-issledovaniya-pri-proizvodstve-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 14.04.2019).

The list of the quoted literature:

1. Belkin R. S. Criminalistics. Short encyclopedia. - Moscow: Big Russian encyclopedia, 2016
2. Grinev, V. A., I. M. Delmukhanov Additional means of recording the progress and results of the confrontation // the Symbol of science. 2017. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnye-sredstva-fiksatsii-hoda-i-rezultatov-ochnoy-stavki> (accessed 14.04.2019).
3. Demin K. E. on the problems of forensic computer-technical expertise and ways to solve them // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-sudebnoy-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy-i-putyah-ih-resheniya> (accessed 14.04.2019).
4. Enikeev, M. I. Investigative actions: psychology, tactics, technology. - Moscow: Prospect, 2011.
5. Ishchenko E. P. Forensic Science. - 2nd ed., ISPR., additional and pererab. - Moscow: Kontrakt, INFRA-M, 2010
6. Lozovsky D. N. On the concept of the method of investigation of crimes // Society and law. 2009. No. 5 (27). Pp. 256-258.
7. Soloviev K. A. Tactical techniques of confrontation // / / Concept. 2014. No. S29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-priemy-provedeniya-ochnoy-stavki> (accessed 14.04.2019).
8. Tabakova L. A. Psychological aspects of confrontation // / / BIT. 2018. No. 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-ochnoy-stavki> (accessed 14.04.2019).
9. Shelupanov A. A., Smolina A. R. Methodology of the preparatory stage of the study in the production of computer-technical expertise // Reports TUSUR. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-provedeniya-podgotovitelnoy-stadii-issledovaniya-pri-proizvodstve-kompyuterno-tehnicheskoy-ekspertizy> (accessed 14.04.2019).

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

- Жинкин С.А.* Некоторые проблемы технологий правового воздействия на правовую культуру личности в современном обществе 2

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Лупарев Е.Б., Елифанова Е.В.* Применение норм российского законодательства о страховой медицине: актуальные проблемы гражданско-правовой практики 7

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Огородникова Н.В.* Право на жизнь и его реализация в уголовном законе (российский и зарубежный опыт)..... 13

- Петровский А.В.* Социальная профилактика правонарушений: соотношение формального и неформального 18

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Семенцов В.А.* Цифровизация отечественного уголовного судопроизводства: эволюционный подход 24

- Головин А.Ю., Богомолова А.Г.* Некоторые аспекты использования современных информационных и коммуникационных технологий взаимодействия органов предварительного расследования с общественностью 29

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО – РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Смахтин Е.В.* Предмет криминалистики в работе с электронными носителями информации 33

- Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н.* Организационные основы деятельности по расследованию преступлений, совершенных в сфере незаконной банковской деятельности 38

- Верстов В.В., Верстова М.В.* Использование результатов экспертизы восстановления уничтоженных маркировочных обозначений идентификационного номера автомобиля в судопроизводстве 41

- Завьялов В.А.* Тактическая операция «Проверка детализации телефонных переговоров»..... 45

- Маркосян Г.А.* Следственные действия при расследовании преступлений, связанных с созданием и распространением вредоносных программ, после предъявления обвинения 48